РОВЕСНИК

№ 11/86
Ноябрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131—5994

...НА БОЙ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ В МИРЕ

Интервью Александра ЛУНЬКОВА, председателя Студенческого совета СССР, корреспонденту «Ровесника» Н. ЧУГУНОВОЙ

Корреспондент:

— Начало борьбы демократического студенчества за объединение датируется 1939 годом, а МСС был создан только после окончания второй мировой войны...

Александр Луньков:

— Вы имеете в виду связь между усилением фашистской опасности, развертыванием антифашистской борьбы и стремлением студентов к единству? Разумеется, сегодня эти события воспринимаются как символические.

— Но тогда скажите, почему для того, чтобы студенты по-настоящему осознали свою ответственность перед обществом, потребовалось такое ужасное потрясение, как война, такое унижение человеческого достоинства?

— Стремление студентов к единству существовало всегда, но в годы нарастания фашистской угрозы возникла жизненная необходимость объединения демократической молодежи. 28 октября 1939 года в Праге состоялась демонстрация против фашистского террора. В ней принимали участие и студенты. В рядах демонстрантов шел студент медицинского факультета Пражского университета Каролиниума Ян Оплетал. Он нес плакат со словами из эпитафии на могиле известного чешского поэта Й. Волькера: «Пошел на бой за справедливость в мире». Демонстрация была расстреляна, а похороны Яна Оплетала, одного из погибших студентов, вылились в мощную манифестацию. Это явилось предлогом для жесточайшего террора: 17 ноября подразделения гестапо заняли территорию университета. Были арестованы 1850 студентов и преподавателей, большинство попали в концлагерь Заксенхаузен, а девять руководителей студенческого совета университета расстреляны на месте. С 1939 года все студенчество планеты отмечает 17 ноября как Международный день студентов.

В годы войны шел важнейший процесс объединения юношества планеты, и в 1945 году в лондонском Альберт-холле было провозглашено создание Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ). Тогда же решили подумать и о создании студенческого всемирного объединения. В августе 1946 года в Праге прошел Первый Всемирный конгресс студентов. Делегаты конгресса единогласно постановили создать Международный союз студентов, приняли его Устав.

— Я процитирую: «Международный союз студентов считает единство всех демократических сил, которые стремятся к прогрессу... непременным условием для достижения справедливого и прочного мира и равенства всех народов» — так? Однако безусловная ясность позиции лидеров организации не обязательно означает такую же безусловность позиции самой организации. И МСС предстояла история не только развития, но и отстаивания своих принципов. Мы знаем, что эта история была драматична... Почему именно вокруг студенческого союза развернулась острая борьба? Почему реакционный лозунг: «Никаких политических обсуждений!» — был адресован именно студенческому союзу? У меня создается впечатление, что студент по своей социальной природе — фигура политически уязвимая.

— Да, история и ВФДМ и МСС была, конечно, драматична. А уязвимость... Ведь молодежь вообще политически уязвима. Мы привыкли говорить: будущее принадлежит молодежи. Но не только мы, коммунисты, усвоили этот мудрейший ленинский тезис. Эту истину поняли все крупнейшие политические партии и силы, которые действуют на международной арене. Сегодня молодежь до тридцати лет составляет свыше пятидесяти процентов населения планеты, и битва за будущее, это понимают все политики, разворачивается и на том поле, которое называется «молодежь». Битва идет ожесточенная. Антидемократические силы сосредоточили свое внимание на том, чтобы завладеть умами молодежи. Умами студенчества в первую очередь.

— Важный момент! Почему в первую очередь борьба идет за умы студенчества?

— Опять сошлюсь на Ленина. Он в свое время писал, что студенчество, молодая интеллигенция является наиболее восприимчивым социальным слоем населения, острее и быстрее других ощущает перемены в обществе. Именно поэтому каждая политическая сила сегодня имеет свою программу работы с молодежью и осуществляет эту программу целеустремленно.

Сразу же после создания МСС и ВФДМ буржуазные партии поняли, что им не удастся оказывать эффективного влияния на деятельность этих демократических организаций.

— Уточню: не удастся оказывать влияния на руководство. И тогда под их прицелом оказались массы.

— Да, действительно. Рядовым студентам внушалось, что политикой должны заниматься профессиональные политики, а не студенчество — эта в определенном смысле привилегированная часть молодежи, в будущем молодая интеллигенция, которой якобы по пути с правящим классом. Буржуазные идеологи стали применять и развивать концепции, «объясняющие» аполитичность студента. Наиболее «аргументированное» объяснение предлагает концепция «студент как таковой». В ней утверждалось не только то, что студента-де не должны волновать и не волнуют политические события, потому что он занят профессиональной подготовкой и оторван от жизни общества, но и выдвигался тезис о независимости студента от политики, от изменений в международной обстановке.

— Удар был хорошо рассчитан!

— В первые же годы существования в МСС произошли сложные процессы, повлекшие за собой выход из союза ряда организаций. (Аналогичная ситуация, к слову, сложилась и в ВФДМ.) А с началом «холодной войны» ее «идеи» попытались внедрить в студенческую и молодежную среду, и это в какой-то степени удалось.

— Какое подтверждение уязвимости! Вот еще одно «совпадение» в датах: Первый Всемирный конгресс студентов прошел всего лишь через полгода после того, как Уинстон Черчилль призвал к борьбе против «восточного коммунизма», а на конгрессе бурно обсуждался вопрос о «чисто студенческих проблемах». Так с самого начала МСС пытаются навязать аполитичный и элитарный характер. Раскол был предопределен?

— Тут следует иметь в виду, что в то время и ВФДМ и МСС не имели того опыта противодействия политическим интригам, они не имели еще достаточно сил, чтобы противостоять натиску реакции, несмотря на то, что мысль о необходимости единства действий в борьбе против фашизма глубоко укоренилась у подавляющего большинства студентов... Из МСС вышли студенческие организации ряда стран Западной Европы, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

— К выходу из союза призывал покинувший свой пост вице-президент МСС Уильям С. Эллис (США), прежде утверждавший: «В определенной степени за счет нашего участия МСС станет тем, чем мы хотим его сделать».

— Организации, покинувшие МСС, создали свою, альтернативную МСС организацию: «Международная студенческая конференция — Координационный секретариат» (МСК—КОСЕК), политически противостоящую МСС и направившую свою деятельность на подрыв единства и сплоченности студенческого движения. Эта организация начала разваливаться сразу же

40 ЛЕТ МСС

10–17 НОЯБРЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НЕДЕЛЯ БОРЬБЫ ЗА МИР И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ

На снимках: Москва, 23 августа 1986 года. Митинг в поддержку Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева у здания МГУ на Ленинских горах.

после создания. В первое время в МСК—КОСЕК были привлечены молодые студенческие объединения стран Азии, Африки и Латинской Америки, но они скоро поняли, что ни программа, ни устав МСК—КОСЕК не отвечают их интересам.

— Это прозрение привело к развалу организации, противопоставившей себя МСС?

— В 1968 году в ряде газет Западной Европы, финских, датских, шведских, сообщались факты, доказывающие, что ЦРУ прямо финансировало деятельность МСК—КОСЕК. Это заставило лидеров организации заявить о самороспуске, но мера эта была уже чистой формальностью — МСК—КОСЕК развалился задолго до этого. Однако попытки подрыва единства демократического студенчества не прекратились и не прекращаются до сих пор.

— Расскажите, что представляет собой МСС как организация.

— За прошедшие десятилетия стало ясно, что сама жизнь диктует необходимость такого студенческого объединения, каким является МСС. Это сегодня — единственное авангардное объединение студентов, позволяющее, с одной стороны, донести голос студенчества до мировой общественности, а с другой — дающее возможность студентам из разных стран собраться, рассказать друг другу о своем положении, обсудить общие проблемы, обменяться опытом и координировать действия. Я лично считаю, что можно говорить о взрыве политического самосознания студентов. Уверен, что в любой аудитории и в любом университете нельзя найти сегодня человека, который не переживал бы за судьбы мира и не пытался бы что-то сделать для мира.

Тому свидетельством энтузиазм, с которым встретило студенчество Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о продлении Советским Союзом одностороннего моратория на ядерные испытания до конца 1986 года. И не только энтузиазм, но и стремление оказать давление на администрацию США, с тем, чтобы заставить ее откликнуться на эту важнейшую советскую акцию, делом укрепляющую мир.

А как может студент «оказать давление», «что-то сделать» для мира, если он не вступит в какую-то организацию? И студенты вступают в политические организации, создают и неполитические объединения. Все вместе они образуют национальные студенческие союзы, которые представляют студенчество данной страны в МСС. И это определяет своеобразие МСС как организации.

— Что еще определяет своеобразие МСС?

— Смена состава — годы студенчества быстротечны. Так же быстро меняется руководство национальных союзов и, случается, политическая ситуация в них.

— Значит ли это, что МСС лихорадит?

— Нет, не лихорадит, хотя находит отражение в политической линии союза. Но в целом курс МСС стабилен. Даже если политическая ситуация в двух, в трех (из ста пятнадцати!) и даже в десяти национальных союзах изменится, это не окажет радикального воздействия на курс МСС. Да, эти союзы смогут проводить свою линию в МСС, да, она будет приниматься во внимание остальными членами союза. Но цель МСС и его Секретариата всегда заключалась в том, чтобы выделить круг проблем, по которым можно выработать общую точку зрения и программу совместных действий. Такие проблемы всегда находились...

— ... к чести МСС?

— Сама жизнь, политическая обстановка послевоенных десятилетий предъявила нам целый комплекс проблем, требующих обязательно общего участия, требующих общей заинтересованности. Это проблемы мира. Это международная солидарность с борьбой народов за национальное освобождение. Это и «академические проблемы» — вопросы демократизации образования. Проблема проникновения военно-промышленного комплекса и транснациональных монополий в университеты. Положение женщин, студенты-иностранцы... Сегодня можно сказать, что по большинству этих проблем в МСС есть единство. Борьба с фашизмом, под знаменем которой родился союз, продолжает оставаться для нас актуальной и сегодня. МСС — универсальная организация.

— А в чем сегодня можно упрекнуть МСС?

— Во многом, и это хорошо, поскольку это свидетельствует о развитии. У МСС есть база роста. Национальные союзы, когда-то покинувшие его, после роспуска МСК—КОСЕК оказались вне организованного студенческого движения. Выбыв из МСС, они до сих пор не вернулись. Значит, есть проблемы, решение которых не удовлетворяет те национальные союзы, которые медлят с вступлением в МСС. Давайте вспомним и то, что в 1946 году только начинался распад колониальной системы, а сегодня остались лишь последние бастионы колониализма на юге Африки, в организованное студенческое движение влились массы студенчества освободившихся стран. Они принесли с собой такие проблемы, как отсутствие базы для подготовки национальных кадров, плохие материальные возможности, и такое явление, как «утечка умов»... Союз стремится решать новые или изменившиеся проблемы, рассматривая их в том виде, в каком их нам предъявляет жизнь, но множество проблем все еще остается в повестке дня, они еще не решены...

— Нет ли «остывания» к старым проблемам?

— Нет. Например, Чили. Во времена правительства Народного единства чилийские студенты играли заметную роль в МСС. События более чем десятилетней давности всколыхнули все международное студенчество, и с сентября 1973 года Чили находится в центре внимания даже тех студенческих союзов, которые не являются членами МСС.

Еще пример нашего единства — Никарагуа. Совсем недавно во время XXI Европейской студенческой встречи в Ростоке, ГДР, многие ее участники высказались за то, чтобы МСС, активно выступающий в поддержку борьбы Никарагуа, проявил еще большую активность и были бы сформированы новые бригады солидарности из студентов-медиков, преподавателей, строителей. (Бригады солидарности — одна из форм работы МСС, конкретное проявление нашей солидарности, нашей позиции.)

Для всех членов МСС также ясно, что нынешние международные экономические отношения, и прежде всего отношения между развитыми капиталистическими и освободившимися странами, являются неравноправными. Мы обязаны разработать свою программу борьбы за решение этого вопроса, так как в будущем многие студенты почувствуют это неравноправие на себе. «Образование», которое получает студенчество в рядах МСС, дает ему наилучшую возможность выработать правильный взгляд на мир и его проблемы.

— Вы можете привести пример того, как студенческая организация изменила свои взгляды?

— После развала МСК—КОСЕК такие крупнейшие организации, как Национальный союз студентов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, ряда других стран, являлись в студенческом движении главными проводниками уже упоминавшейся мною концепции «студент как таковой». На протяжении ряда лет они пытались избежать политической борьбы, ограничивая себя тред-юнионистскими рамками. А сегодня большинство этих союзов выступают активными борцами за мир и участвуют в мероприятиях МСС.

— И следовательно, некоторые студенческие союзы придерживаются более прогрессивных взглядов, чем их правительства?

— Несомненно.

— И эта позиция воспитана в МСС?

— Нет, она воспитана реальной жизнью. Важное влияние на формирование ее оказал МСС.

Но есть и ряд проблем, по которым единство не найдено. Например, некоторые студенческие союзы придерживаются той точки зрения, что СССР и США равно ответственны за нарастание военной опасности. Политика КПСС и сама жизнь опровергают концепцию «равной ответственности», политика СССР приобретает новых сторонников. Когда в дни XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов М. С. Горбачев провозгласил односторонний мораторий на ядерные испытания, часть студенческих союзов заняла выжидательную позицию. Не все поняли, что означает такая решительная политическая акция. Но последовательность линии КПСС отсекла всякие сомнения, и сегодня, как я уже говорил, студенчество мира заняло четкую позицию относительно проблемы прекращения ядерных испытаний. Во всяком случае, это позиция большинства.

— А какова позиция американского студенчества?

— В США нет единой студенческой организации, а есть ряд организаций. Мы, Студенческий совет СССР, поддерживаем контакты с рядом из них, например с «Объединенными кампусами за предотвращение ядерной войны», несмотря на то, что большинство членов этой антивоенной организации принимают тезис о «равной ответственности». В США действуют и объединения универсального характера, такие, как Студенческая ассоциация США, с которой мы работаем. Есть и так называемая Американская студенческая ассоциация — эта организация крайне правых взглядов продолжает пользоваться определенным влиянием среди американских студентов. Именно она стояла у истоков попыток подорвать международное студенческое движение, когда в конце 70-х — в начале 80-х годов была учреждена Международная ассоциация студентов (МАС), провозгласившая «аполитичность» и пытавшаяся противостоять МСС.

— Следующий вопрос мне представляется важным. Будущее, безусловно, принадлежит молодежи, стоящей на позициях коммунизма, строящей социализм. Значит ли это, что осложнения, возникающие в социалистическом мире, тотчас используются врагами МСС для идеологической диверсионной работы? Можем ли мы в качестве примера обсудить события в Польше в связи с международным студенческим движением?

— Конечно. Драматические события в Польше были немедленно подхвачены проимпериалистическими студенческими идеологами и определили драматизм ситуации в среде польского студенчества. Как известно, несколько лет назад Польская Народная Республика пережила наибольшие трудности. И в самые трудные времена была предпринята, с участием наиболее реакционных деятелей из «Солидарности», попытка — небезуспешная! — расколоть польское студенчество. Был создан так называемый «Независимый союз студентов Польши». Сегодня мы можем оценить его деятельность. Это была профашистская организация, направленная на свержение социалистического строя в ПНР.

— Ни больше ни меньше?

— Именно! Именно члены этого «независимого» объединения составляли группы боевиков «Солидарности», требовали физического уничтожения видных деятелей ПОРП. Но, стремясь дискредитировать МСС, этот союз дискредитировал себя.

— И был в конце концов распущен?

— Нет. Как говорят, «продолжает свое существование». Только со штаб-

квартирой в Париже, на Страсбургском бульваре. Студенческие же союзы, которые поначалу поддерживали «Независимый союз студентов Польши», например, из Швеции, Норвегии, полностью отмежевались от него, и теперь никто не поддерживает с ним связь. В общем, вывеска есть, людей нет. Известно, что кое-кто из лидеров перешел на службу в редакции радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», в другие махровореакционные объединения.

— Что ж, эти «студенты» получили «распределение» в соответствии с подготовкой!

— Вот именно!

— Расскажите об участии советского студенчества в МСС.

— Коротко. Как известно, мы были в числе основателей МСС — Студенческому совету СССР предшествовала студенческая секция антифашистского комитета советской молодежи. Ныне авторитет наш в международном студенческом движении представляется мне очень высоким. Мы избраны в состав Секретариата МСС, за нами — пост вице-президента союза, в штабквартире МСС в Праге работают наши представители. Участие Студенческого совета СССР в акциях МСС традиционно и плодотворно. Мы можем сказать, что проблемы, находящиеся в центре внимания МСС, волнуют и нас.

— Какую школу проходит советское студенчество, участвуя в МСС?

— Наше членство в МСС — это и школа интернационализма, и школа политического мужания, и школа, в которой советское студенчество приобщается к решению наиболее актуальных проблем современности.

— ...Но не школа политической терпимости?

— И школа политической терпимости! Я сейчас поясню эту мысль. В настоящее время, когда на международной арене сложилась столь сложная ситуация, мы убеждены в том, что альтернативы мирному сосуществованию государств с различными социально-экономическими системами нет. Ради такого сосуществования нам приходится сотрудничать — на уровне МСС — с организациями, различающимися в политических, религиозных, философских взглядах. Мы взаимодействуем и с «аполитичными» союзами (сам я лично активно воюю с этим термином, так как он не верен по отношению к организациям, провозглашающим такой принцип). Необходимо принимать во внимание не только собственные интересы, но и интересы партнеров. Да, школа, если хотите, политической терпимости, другими словами — умения найти такой путь, который, не нанося ущерба главной цели, был бы приемлем для всех сторон, принимающих участие в той или иной акции, в движении в целом. Но, конечно, никоим образом не школа идеологической терпимости. В этом у нас нет сомнений. В отличие от национальных союзов ряда западных стран, включающих самые различные студенческие организации, порой идеологически разнящиеся, наш Студенческий совет, объединяя в своих рядах членов ВЛКСМ, членов КПСС, беспартийных студентов, представляет собой идеологическое единство.

— Бываете ли вы не поняты партнерами по МСС?

— Нам приходится объяснять даже такую ситуацию: почему, например, антивоенная борьба в СССР носит не анти-, а типроправительственный характер! Для нас вполне очевидно, что студенты СССР выступают в поддержку миролюбивых действий правительства СССР. Но в среде западных сверстников сложился определенный стереотип, когда интересы демократического студенчества и правительственные интересы оказываются полярно противоположными. И эту закономерную в буржуазном обществе поляризацию они чисто механически переносят и на нас.

— Советские студенты солидарны с борющимися сверстниками за рубежом, активны на международной арене. А как обстоит с их социальной активностью дома?

— Это вопрос, который затрагивает широчайший круг проблем. Дома советскому студенту есть за что и против чего бороться. Достижения нашего строя обеспечивают ему условия для учебы и развития. Но остаются многие академические проблемы, которые призвана решить перестройка высшей школы, развернувшаяся в нашей стране. А возьмите проблемы студенческой семьи... Надо много работать, чтобы все их решить. Как-то сложно употреблять слово «борьба»... хотя почему же, это наша борьба, и мы не скрываем наших проблем. Мы открыто говорим о них в МСС, и такой тон вызывает правильную реакцию наших коллег. Еще не так давно, правда, было стремление несколько приглушить проблемы...

— Почему?

— Честно говоря, не знаю. Может быть, тогда в памяти старшего поколения были более свежи воспоминания о послевоенных годах. Отцы тех первокурсников учились в годы восстановления, голодали. Возможно, хотелось преподнести наши успехи как безусловные. Не знаю...

— Это же не значит, что для того, чтобы трезво оценить настоящий момент, надо забыть, с чего начинали?

— Никоим образом!

— Вы считаете, что сейчас наступило время «открытых» вопросов?

— Я не считаю, что такое время сейчас наступило. Оно должно наступать однажды для каждого человека и продолжаться всегда. Надо добиваться такого положения, когда все проблемы решаются на высоком профессиональном уровне, то есть профессионалами. «Закрытых» вопросов не существует в природе. «Закрытые» вопросы тащат за собой надуманные проблемы и имитацию активности. Это тупиковый путь.

— Как же сделаться активным, правильным, смелым?

— «Дети — цветы жизни». Надо вовремя понять, что ты перестал быть цветком. Наш школьник может дать много очков вперед в политическом развитии, но в социальном развитии он подчас отстает! Отстает... от своего возраста. Замедленное социальное взросление.

— Как сделать, чтобы это было стыдно?

— Я вспоминаю, в детстве один близкий человек подарил мне книжку, написав: «Счастливым станешь лишь тогда, когда постоянно будешь ощущать свою нужность и когда сумеешь подавить кошмар одиночества». Слова никакие не магические, но прошло много лет, а я их помню, стремлюсь лучше понять и все сильнее ощущаю их справедливость.

— И вы выполнили этот совет?

— Всегда к этому стремлюсь. Во всяком случае, кошмар одиночества никогда не владел мной слишком долго.

Организация — такая, как Ленинский комсомол, дает возможность найти задачу, которая захватит тебя настолько, что ты ни о чем другом не сможешь думать.

— Но неужели человек вне рамок организации, вне политического участия и политических действий кошмарно одинок? Кошмар — это ведь ужас беспомощности и страха. Это поражение, полное поражение!

— Кошмар можно обставить весьма комфортно, и все-таки... Да, активная жизненная позиция — другого пути к счастью я не вижу.

— Понимаю, спасибо. Последний вопрос. За годы, за десятилетия в МСС сохранился дух созидания «прочного мира»... Но, говоря об истории МСС, мы употребили слово «драматизм». Помогите понять, что история борьбы за самые справедливые цели может быть драматична.

— ...Хорошо. Когда в одной из африканских стран в результате военного переворота к власти пришло демократическое правительство, далекое от марксистского понимания мира, но задавшееся благородными созидательными целями, марксистский студенческий национальный союз, состоящий из молодых, революционно настроенных ребят, выступил с критикой действий правительства и незамедлительно оказался в одиночестве. Мы в союзе пытались объяснить нашим друзьям необходимость гибкой тактики, в маленькой стране шли большие перемены, привлекавшие к правительству симпатии народа. А они упрямо держались за свое гибельное одиночество.

— ...«не поступаясь ни одним принципом, оставаясь чисты»!..

— Да, да. Я же говорю: нам были понятны, близки их мысли, мы уважали их убеждения. Мы искренне сочувствовали им. Их одиночество было беспомощным и неразрешимым, и требовалось лишь время и мужество, чтобы они поняли. Это, конечно, драма. Но драма оптимистичная.

СМОТРИТЕ

Каждый год в редакцию примерно в один и тот же день приходят 30 молодых людей из разных стран — студенты факультета журналистики Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Для них, проучившихся один год, эта встреча в редакции — начало производственной практики. А для редакции это начало сотрудничества с новым пополнением международного корпуса молодых журналистов: на страницах «Ровесника» появляются их наблюдения, впечатления о нашей стране, о советских друзьях, студентах и нестудентах, они рассказывают об отношении к Советскому Союзу народов тех стран, откуда приехали. Вот почему в этом номере, отмечая 40-летие Международного союза студентов, рубрику «Смотрите» мы решили посвятить нашему другу — Университету дружбы народов. И речь идет не только о дружбе редакции с лумумбовцами. Речь идет о том, что в Университете дружбы народов зарождается и крепнет взаимопонимание и взаимоуважение молодых представителей всех пяти континентов, зарождается и крепнет их дружба с советской молодежью.

Мы думаем, снимки фотокорреспондента А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО особых комментариев не требуют, кроме одного. В центре вы видите трех выпускниц довольно давних лет: Арика Галиб из Марокко, Сарайда Альварес Агиляр из города Камагуэй на Кубе и Каролина Орамас из Колумбии приехали в дом своей юности, в свою альма-матер. Человека всегда тянет к тому, что оставило неизгладимый след в его судьбе, в его сердце. На других снимках советские и иностранные студенты на митинге в защиту мира, на занятиях и между лекциями.

ТЬ МИР!
НЕТ ВОЙНЕ!
МИРУ МИР!
NO!

"ВОЙНА ДОЛЖНА ОТМЕРЕТЬ!"

Андреас ВАЙТЦЕР (Австрия),
стажер юридического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Я родился в городе Граце, куда мои родители переехали из Леобена. Леобен совсем маленький городок, тридцать тысяч населения, но в нем есть свой горный университет, один из трех в Европе. Мой отец — инженер-горняк. Он добывал руду в тех местах по берегам речки Мур, где ее добывали две тысячи лет назад римляне. Но земля истощилась. Стало дешевле привозить руду из Швеции, чем доставать из земли. Шахты стали закрываться.

Я учился в гимназии в Граце. Мы изучали два мертвых языка — латынь и древнегреческий. Мы переводили стихотворения Вергилия и Катула. Я сидел в классе над книгой, искал слова, чтобы они полнее и точнее передавали звук и вкус Вергилиевой латыни, и меня охватывало волнение от того, что стихам этим две тысячи лет. Две тысячи лет назад Вергилий писал об Энее, покидающем Дидону, и мучился ревностью и страстью Катул, и все это живо, живо так, как будто стихи написаны час назад. Бессмертие, достигнутое строкой... Я тоже мечтал стать поэтом. Я писал стихи и надеялся создать что-нибудь вечное.

Стажировка в МГУ — это только одна из причин того, что я приехал в Советский Союз. И может быть, не самая важная для меня. Я давно хотел побывать в СССР и искал повода. Конечно, мне, как будущему адвокату, важны знания, которые я получу здесь. Но для меня гораздо важнее возможность изучить русский язык и узнать вашу страну...

Мы не знаем вашей страны по-настоящему. Мы не знаем, как вы думаете, как вы чувствуете, какие проблемы вас волнуют. О вас рассказывают сказки. Наши туристы, отправляясь на неделю в СССР, берут с собой колготки и шариковые ручки — они думают, что тут этого нет.

Я с юности привержен левым убеждениям, но некоторые мифы о вашей стране не обошли и меня. Например, я считал, что люди у вас не очень много думают о войне и мире. Мне казалось, что вы не находите большого вреда в том, чтобы на Земле было все больше и больше пушек и ракет. Сейчас я живу в общежитии университета и встречаюсь с вашими молодыми людьми и вижу, что они не хотят войны так же, как и я. По радио и по телевидению я слышал выступления М. С. Горбачева: он говорил о разоружении.

Я вернусь в Австрию и расскажу об этом друзьям. Еще несколько человек будут знать, что вы не хотите войны. Еще немного уменьшатся недоверие и страх.

Сама идея войны должна стать атавизмом. Война должна отмереть, как отмер у человека хвост — за ненадобностью.

...В четырнадцать лет я послал свои стихи одному известному у нас писателю, прося его совета и одобрения. Но ответа не получил. Потом я носил мои стихи в издательство, в газету. Без успеха. У меня стало складываться впечатление, что как поэт я не очень нужен в этом мире. Но писать я хотел все равно. Мне доставляет удовольствие игра и работа со словом... И я просто пришел в редакцию «Кроненцайтунг» (у них как раз освободилось место театрального критика) и сказал, что хочу занять это место. Вся редакция смеялась. Три недели я работал бесплатно. Потом меня взяли в штат. Я стал самым молодым журналистом Австрии — мне было девятнадцать.

Фотомонтаж А. Житомирского

В ночь перед днем, когда должна была выйти моя первая рецензия, я не спал совсем, представлял, как завтра два миллиона человек развернут газету, прочтут и узнают меня. Я мечтал о том, что пройдет много лет, и люди будут разыскивать старые газеты и читать в них мои рецензии в три столбца...

Война и культура несовместимы. Мир для меня неотъемлемая часть культуры. Один-единственный атомный взрыв сожжет всю культуру, которую люди создавали веками.

Все это — Вергилий, Катул, вы и я, тысячи лет человеческой мысли, наши чувства и наши любимые — в мгновенье превратится в кучку пепла, если какой-нибудь генерал отдаст приказ. Он не читал Вергилия. Знает ли он, **на что** он сбрасывает бомбу? Догадывается ли, что не только на голову нам, живущим сегодня, но и тем, кто жил и творил вчера и позавчера и завещал свой труд будущему. Он просто наносит «ограниченный ядерный удар». Он не убивает — он «наносит ущерб живой силе противника». Он не виноват — он «выполнял приказ».

«Ограниченный ядерный удар», выдуманный американцами,— это бред. «Мы разрушим только один город и уничтожим только восемь миллионов человек» — примерно так, по-видимому, они рассуждают. Во-первых, после одной атомной бомбы будет обязательно сброшена вторая. Во-вторых, цифры потерь будут выглядеть совсем по-другому, если вы представите себе, что в этом городе живете вы, ваша мать, ваша жена и ваши дети. Что значит — «только восемь миллионов»? Что значит — «только миллион», «только сто тысяч», «только сто человек»? Что значит «малые потери»? Даже один человек — огромная потеря для его родных и друзей.

Как можно обеспечить мир, делая все больше и больше ракет и бомб? Как можно жить в мире, ничего не зная друг о друге и не доверяя друг другу? Люди и страны должны доверять друг другу и развивать культурные контакты на всех уровнях. «Равновесие доверия, равновесие культурных обменов» — я за это.

Я пять лет проработал в газете и ушел из нее, потому что не хотел с девятнадцати лет до пенсии заниматься одним и тем же делом. Я понял, что большого литературного таланта во мне нет. И чем тратить жизнь на тщетные и бесплодные попытки создать что-то великое и необычное, я лучше найду себе дело по душе, дело по силам, простое и хорошее человеческое дело, от которого хоть кому-нибудь будет прок.

Я ушел из «Кроненцайтунг», потому что мне надоело беспрерывно выражать мнение. Театральный критик все время выражает мнение, и в конце концов, мне кажется, не может не стать неприятным и безапелляционным человеком. А мне хотелось просто ходить в театр, просто смотреть пьесы, просто думать и просто жить.

Я поступил в университет на юридический факультет. Я решил стать адвокатом. Адвокат может помочь людям в борьбе против несправедливости...

...Потом я работал сотрудником «социальной помощи». Я помогал устроиться в жизни молодым людям, которые только что вышли из тюрьмы.

Реклама со всех углов призывает покупать. В обществе уважаются люди, которые имеют много денег и покупают. А у подростка нет денег. И вот девушка берет в огромном супермаркете тюбик помады, и ее сажают в тюрьму. Парень делает круг вокруг своего дома на чужом мопеде, и его сажают в тюрьму. Потом они выходят, и предприниматели не берут их на работу, потому что у них уголовное прошлое.

Я старался им помочь. Я обзванивал предпринимателей и уговаривал их. Я рассказывал знакомым журналистам о процессах, где судья был слишком строг к молодому человеку. Они писали об этом.

Я не оправдываю воровство. Но часто у людей слишком мало сочувствия и понимания к тем, кто однажды ошибся...

В Москве я много хожу по театрам. Я был в Театре на Таганке, в Театре Ленинского комсомола. Я вижу, что эти театры могли бы иметь свою публику в Вене: это было бы интересно и для театралов, и для нетеатралов. Театралы увидели бы новый для себя стиль и новые трактовки. Нетеатралы открыли бы для себя Москву как большой театральный город.

Чехова у нас ставит почти каждый театр. И каждый по-своему. Но в «Трех сестрах» и «Вишневом саде», поставленных на Таганке, есть нечто новое для зрителя-австрийца. У нас эти пьесы идут как пьесы сплошной меланхолии. Ваши актеры играют рядом с меланхолией комизм. И это действительно смешно и ново для меня, потому что Чехова у нас понимают только как очень грустного автора.

Театра, работающего в том стиле, в каком работает Театр Ленинского комсомола, у нас вообще нет. Это стиль и стилистика рок-спектакля, рок-концерта. Этот стиль остается даже в тех спектаклях, где нет рок-музыки. Но там, где есть рок-музыка — в «Юноне» и «Авось», например, этот стиль выражается с четкостью и силой. Этот спектакль был бы интересен в Австрии людям, которые сейчас в подавляющем своем большинстве занимают достаточно ответственные посты в фирмах, на предприятиях, в учреждениях. Он весь пронизан токами их молодости — токами шестидесятых годов. И они пришли бы на этот спектакль, потому что они живут ностальгией по тем годам.

Австрия, к счастью, нейтральная страна. Она не входит в военные блоки. У нас нет ни ракет, ни нужды в ракетах. Но неправильно думать, что это освобождает нас от страха перед катастрофой. Не может быть так, что часть Европы будет лежать в радиоактивных руинах, а мы в Вене будем танцевать и пить кофе. Мы находимся в середине Европы и в любом случае разделим ее судьбу. Сейчас у нас в стране разговоры о войне и мире — постоянная тема.

Практически у нас нет молодого человека, который не участвовал бы в борьбе за мир. Это можно делать по-разному — в меру сил, в соответствии с характером. Склонные к политической деятельности организуют демонстрации, собирают подписи. Другие просто обсуждают эти темы в кругу друзей. Не надо думать, что этого мало. Ваши убеждения — это не мало. Они создают климат в стране.

Надо сделать войну невозможной. Как? Если вдруг правительство Австрии объявит войну Италии, то эта война не состоится. На нее никто не пойдет. У нас в Италии слишком много друзей. Слишком много итальянцев дружит с австрийцами. И это необратимо.

Я хочу, чтобы у меня были друзья в вашей стране.

...Юношеские стихи (теперь я вспоминаю их с улыбкой) я писал из страха смерти. Я хотел хоть так обрести бессмертие. Теперь этот страх прошел. Мне вполне хватит семидесяти-восьмидесяти лет жизни. Я не хочу жить вечно.

Дело не в том, сколько лет ты живешь. Дело в том, как. Можно прожить сто, и в конце ощутить, что не жил. Ведь часто мы, как расточители, выбрасываем время. Мы выбрасываем годы. Но можно прожить пять минут так, что каждая секунда будет наполнена смыслом. Можно делать простую работу и получать от нее удовлетворение и в труде своих рук видеть доказательство собственного бытия. Можно очень много прожить в пять минут: это значит сделаться бессмертным при жизни, значит прожить две или три жизни в одной.

Я учился в университете и одновременно работал садовником в венском городском парке. Денег у родителей я не брал. Иначе я чувствовал бы себя обязанным оправдать все их надежды.

Однажды я установил у входа в парк таблички, на которых было написано: «Городской парк». Я крепко забетонировал их. Это был, конечно, пустяк — парк и с ними и без них оставался тем, чем был. Но мне было приятно, что таблички стоят так крепко и будут стоять много лет, и люди будут проходить мимо и думать о том, что вот перед парком стоят такие красивые, такие крепко сделанные таблички.

Мне нравится труд садовника. В нем столько смысла. Я люблю подрезать кусты, поливать цветы и следить, как медленно растут деревья. Наверное, я садовник по натуре.

Записал А. ЯСЕНЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ НУЖНА УВЕРЕННОСТЬ В БЕССМЕРТИИ

Н. НИКОЛАЕВА

— Что вас беспокоит?

— Безопасность. Меня беспокоит мысль о безопасности человека.

— Вы имеете в виду человечество?

— Нет, человека. Человека на операционном столе. Я врач.

О больном человеке он сказал примерно так: это катастрофа. У меня записано: «...порой я еще не могу точно сказать, что случилось. Диагноз неясен. Ясно одно: произошла катастрофа».

— Скольких вы уже спасли? — спросила я, зная, что он, хирург-ординатор, уже оперирует самостоятельно.

— Ни одного,— ответил он.

Объяснил, почему так сказал. Я записала. Так получились эти записи, больше похожие на отрывки из дневника Юрия Кадощука, чем на интервью с ним.

Разбирая их потом, я решила сохранить черновой стиль записей с тем, чтобы для читателя стал ясен процесс размышлений, а вернее, процесс восхождения человека от простых мыслей о будничных заботах к вещам, гораздо более важным: таким, как жизнь, таким, как ответственность. Мне показалось необходимым, чтобы читатель увидел процесс такого восхождения.

«Мой отец хороший профессиональный хирург. Помню его возвращающимся из больницы, вновь уходящим. Иногда его вызывали на операцию ночью. Романтики в его работе было мало. Было много усталости. Правда, никогда не видел отца совершенно выбившимся из сил. Думал о нем, какой он двужильный, сильный, выносливый. Он не был очень сильным. И выносливость его, хирурга, была иной, чем выносливость спортсмена».

«...Я начал учиться, жил в Москве и начинал понемногу понимать характер отца, сложившийся в результате бесконечной работы, постоянно требующей от него быть на уровне. Ни артист, ни спортсмен не знают такого напряжения. Спортсмен, финишируя, может упасть без сил. Артист имеет право отдать все силы роли. Врач не имеет права отдать в с е силы».

— Дело не в выносливости, а в ответственности особого рода,— сказала я.— Как бы ни были ответственны спортсмен или артист, только от чувства ответственности врача зависит жизнь.

— Но я не хотел бы обижать артистов,— сказал он.

«В нашей больнице, где я прохожу ординатуру, лечат в основном больных, доставленных «Скорой помощью». Раньше больница так и называлась: больница «Скорой помощи» номер двадцать. Бывают дни, когда везут, и везут, и везут».

«Я вижу хирурга, который спит прямо на каталке, и знаю, что он оперировал ночью. Спать на каталке не-

«Не повреди!» — главный наказ клятвы Гиппократа. Не повреди человеку — клянутся студенты-медики. Сейчас угроза нависла не над одной жизнью — над жизнью всего человечества, над жизнью нашего общего дома — планеты Земля. И ширится движение медиков за мир. И студенты-медики, дав клятву не повредить человеку, включаются в движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», идут на демонстрации в защиту мира, чтобы защитить человечество от смертельной опасности ядерной смерти.

удобно. Но другого выхода нет. Наша жизнь походная. В обед кипятим чай... Девять хирургов отделения не могут, наверное, назвать себя праведниками. Но, конечно, это особенные люди. Я приходил в двадцатую на практику, потом попал сюда ординатором. Мог бы попроситься в хирургический центр, где работает руководитель нашей институтской кафедры. Но, несмотря на походную жизнь, в двадцатой начинать полезнее. В двадцатой есть шанс поскорее выйти из-за спины учителя».

«Я раньше считал, что у меня достаточно данных, чтобы пробовать себя в хирургии. Важны руки, зрение. Я вижу нижнюю строку таблицы для проверки зрения и рисую. Способность к рисованию важна больше, чем сила рук. Я это знал. Плюс то, что я с детства видел лица людей, спасенных хирургом, моим отцом. Это оградило меня от возможного разочарования в самом начале, от шока... Я не падал в обморок в перевязочных, куда нас приводили на первых курсах, лишь потому, что находился кто-то, кто отводил меня за руку и так спасал. Еще раньше, по отцу, я видел и понимал, что нечувствительность в перевязочных, где испытывают боль, не ослабленную наркозом, не самое лучшее свойство хирурга. Хирург обязан чувствовать боль пациента.

Лучшие хирурги, которых потом я узнал по работе, оказывались лучшими людьми, и у меня есть пример, когда отличный хирург излишне мягок как человек. Точно и смело оперируя больного, он не способен так же решительно вмешаться в человеческую жизнь и определить степень собственной либо чужой справедливости. Ему мешает знание боли.

Я думаю о том, что хирургия — опасное ремесло уже потому, что смертельно опасно ее орудие и неисправимы, как правило, действия хирурга. В твердости его руки заключено нечто большее, чем просто сила, и неколебимая уверенность в правоте может помешать хирургу».

«Всегда существовало особое и обособленное мнение о хирургии как о недопустимом вмешательстве в человека».

«Рассекая ткань живого организма, хирург мог пресечь жизнь. Вот почему он как бы постоянно находился перед судом и тысячу раз обязан был проверить и рассчитать, прежде чем взять скальпель».

«В прошлом веке люди соглашались на операцию, имея десять шансов надежды. Осуждаемая сторонниками невмешательства в живую плоть при помощи ножа хирургия и оперативное вмешательство порой воспринимались как едва ли не единственное средство спасения. В решительности виделось решающее. Ради спасения можно было не думать о безопасности. И в прошлом хирурги мыли руки не до, а после операции. Какое далекое прошлое! Но с тех пор проблема безопасности не решена, а жизнь все преподносит новые проблемы безопасности...

И новые опасности. Ремесло же осталось прежним: хирург и скальпель. И больной».

«Во время практики в хирургическом отделении двадцатой больницы нас, студентов, допускали в основном к концу действия — накладывать швы. Эта работа важная и нелегкая. Но, конечно, практиканту она под силу. С этого начинается — с финала — его подход к операционному столу. И вот вдруг после утреннего обхода профессор говорит про больного, которого оперировали накануне: этот шов плохой, неправильный. Все думают, что виноваты, разумеется, практиканты. Я иду к больному, смотрю и потом не могу успокоиться. Я иду, ищу в журналах, кто именно шил, и узнаю: не мы. Эта работа не практиканта. Неправильность была неопасной, и переделывать ничего не пришлось. Теперь я думаю: почему я разволновался, почему стал выяснять? Хотел снять с себя ответственность, считал, что чужая ответственность — лишняя ноша? Я бы никогда не успокоился, и неправильный шов продолжал бы мучить меня, но нет ли тут в принципе лазейки: предпочитающий идти налегке непременно выяснит, каков точно вес его груза и как долго ему его нести?

Между тем представляется, что большинство важнейших вопросов жизни ничьи.

Между тем сколько опасности в самом стремлении тютелька в тютельку распределить обязанности и ответственность!

Ответственность — сложнейшая вещь в жизни человека. Думаю, что самая сложная».

«Что такое правильная жизнь? Может быть, когда не надо себя казнить? Редкое состояние, похожее на счастье, но ни в коем случае не счастье. «Не надо себя казнить» — момент мира, точнее, короткое перемирие: ты в ладу с самим собой. Долгого мира не может быть».

«Но что понуждает человека казнить себя, мучить? Я никогда не смогу заставить себя целый год вставать ровно в три, чтобы успеть больше, чем получается, когда я встаю в шесть. Даже ровно в шесть я поднимаюсь не каждый день.

Знаю одно: для правильной жизни одного чувства долга мало!»

«Не противоречу ли я себе, твердя об ответственности и тут же утверждая, что ответственности — то есть чувства долга — для правильной жизни мало?»

«Однажды ко мне подошел старший товарищ, хирург, и сказал: «Пойди посмотри, привезли типичный случай. Аппендицит. Надо оперировать. Хочешь попрактиковаться?» Я не люблю этого выражения: попрактиковаться. Речь идет о человеке. На человеке нельзя практиковаться, тренировать руку, тренировать зрение. Нельзя — пробовать. Человека надо лечить, оперируя.

Я пошел посмотрел. Что-то вызвало мои сомнения. Как правило, хирурги предпочитают в случаях аппендицита оперировать. Даже сомнения, как правило, аргумент в пользу операции. Но как правило. Не всегда. Я пошел советоваться. «Ладно,— сказал мой коллега,— прооперирую сам». Я понял, что он про себя уличил меня в страхе, но через некоторое время мы оба согласились с тем, что операция не необходима, ее можно избежать. Больной, конечно, ничего не заподоз-

рил о наших сомнениях и нашем временном разногласии, но я потом думал: какое решение принял бы я, если бы был один? Если бы был один на один с этим «типичным случаем»?»

— Юрий, вы говорили о болезни — это катастрофа. Но есть ли возможность избежать катастрофы в наше время, которое так чревато различными опасностями? Не пора ли смириться с тем, что болезни — удел современного человека?

— Мирная жизнь может быть практически безопасной. Человек часто вредит сам себе, предполагая, что у него есть время исправиться. Когда здоровый человек начинает привыкать к сигаретам или натренировывает свой аппетит так, что съедает целый торт,— он нарушает правила здоровой жизни и крадет у себя время на то, чтобы потом восстановить утраченную форму. Каждый обязан изучить самого себя, свои привычки и необходимый стиль жизни, режим работы, отдыха. К сожалению, сплошь и рядом встречаются люди, которые не только не думают о долге перед самим собой, но уже успели превратить себя во что-то невообразимое. Здоровая жизнь — очень хорошая жизнь. Она позволяет много работать и много успеть за жизнь. Когда общество ставит перед собой определенную цель, оно рассчитывает на изученные и подсчитанные ресурсы, которые должны обеспечить достижение цели. Человек также не имеет права безответственно задаваться целью, не рассчитывая своих сил. А силы — прежде всего здоровье. Я бы сказал так: банк здоровья, обеспечивающий возможность движения вперед.

— Но эта возможность может быть отнята. Например, войной.

— Да, войной, катастрофами. В отличие от стихийных бедствий и катастроф войны — на нашей совести.

— Вы считаете войну самым большим злом нашей жизни?

— Война вне жизни.

«На протяжении всей истории человечество учится жить с достоинством, а человек — жить и умирать с достоинством. Мысль о бессмертии человечества так долго укоренялась в сознании великого множества поколений, что мысль о смертности человечества подрывает самые основы жизни. Человечество бессмертно... Бессмертно как земля...»

«На каком-то этапе я пережил ощущение, которое затем укрепилось во мне и теперь представляется мне самым важным событием, касающимся моего развития как человека. Это изменение произошло, быть может, год назад и было связано, конечно, с тем, что я начал работать, хотя я не считаю связь прямой, причинно-следственной. Я вдумывался в такое ощущение: больница — не здание, а отношения между людьми. Далее: цивилизация — не накопленные людьми, всеми поколениями материальные ценности, машины, дома, научные идеи, совершенная технология и прочее. Цивилизация — это система человеческих отношений. Материальная «часть» цивилизации не только беспомощна, но и мертва в том случае, если система человеческих отношений несовершенна, не соответствует уровню накопленного. Более того, накопленное автоматически ставится под угрозу уничтожения, если механизм отношений между людьми не прогрессирует, застопорился. Каждый человек в этом механизме — винтик, но винтик не пустой, не мертвый, он участник отношений именно потому, что сам — целый мир».

«...я стал понимать, что человек обязан кругом. Его здоровье, его высокие или низкие мысли, его взлеты и падения, его надежды, его сомнения, его фальшь и его величие — все величие и возвышение либо унижение и опровержение цивилизации. И каждый человеческий шаг ощутим на земле. Он реален. Он материален так же, как материально произведение его труда, сделанные им машины, построенные им дома».

«И мне кажется, что дела с ответственностью у нас в мире плохи. Может быть, потому, что множество вопросов, решать которые обязано каждое поколение и каждый человек в отдельности, многими стали восприниматься как вопросы ничьи? Так формируется взгляд общества на жизнь. Так общество привыкает к жизни под угрозой опасности, и люди закрывают глаза на реальность точно так же, как некоторые из них закрывают глаза на реальность собственного здоровья...

Я врач. Мне нужно время, чтобы думать и лечить. Мне нужно время, чтобы принять решение об экстренной операции, и время, чтобы спокойно и твердо посмотреть в глаза больному. Я должен быть спокоен, я должен владеть ситуацией. И вот ситуацией перестает владеть человечество... Мы много говорили об этом с братом. Он, физик, мучился, твердил, что «нельзя об этом не думать». Знание, которое было у брата, вызывало у меня уважение, но мое знание оставалось еще в бездействии. Представление о том, что в случае войны, в случае ядерного конфликта, у человечества вдруг будет отнята основа жизни — уверенность в бессмертии и сама жизнь,— этого представления я м а т е р и а л ь н о не ощущал. Мы говорили о страхе: человек рано или поздно впервые испытывает страх смерти и после вынужден смириться с ним. Он живет вне этого страха, поскольку страх его бесперспективен. Но страх смерти человечества не должен быть отброшен.

...Это означало бы, что общество притерпелось к безответственности. Ответственность же — главное человеческое качество, на ней держится все, что у нас есть. Все человеческое».

«Одного чувства долга перед жизнью мало для того, чтобы общество покончило с безответственностью, втянувшей его в смертельно опасную ситуацию. Необходимо, чтобы стремление к миру стало нормальным состоянием каждого, частью его нормальной жизни».

«Я думаю, что главное — общение народов и укрепление дружбы вопреки политике империалистических правительств. Главное — накопление ответственности, как накапливалась бы материальная сила».

— Почему вас беспокоит мысль о безопасности человека во время операции, то есть во время лечения?

— Безопасность человека на операционном столе должна быть максимальной! Непредвиденное не должно вмешиваться в дело врачей.

— Рано или поздно безопасность в медицине станет полной.

— Мне жаль времени, потому что время моей работы — это также и время чьей-то жизни. Я не думаю, что моего пациента обрадует мысль о том, что в будущем его болезнь не станет представлять проблемы для врачей.

— Что делаете вы, жалея время?

— Жду.

— Ждете? Чего?

— Непредвиденных случаев. Как медик, я обязан заниматься наукой, и я нахожу для этого время. Как врач-практик, я обязан встретить в своей практике как можно больше нетипичных случаев заболевания, приобретать опыт, необходимый для других.

— Это ваш долг перед будущим?

— Это мой долг перед профессией. И перед будущим, конечно.

— Были ли в вашей практике случаи, которые вы не могли объяснить как медик?

— Я знаю случай внезапного ухудшения после операции, причина которого не была раскрыта. Следовательно, надо ждать повторения ситуации, быть готовым реагировать точно и быстро.

— Вы говорили о безопасности больного. А каковы опасности, подстерегающие самого врача во время его работы?

— Колоссальное напряжение и чрезвычайно большая ответственность. Чувство ответственности усиливает напряжение и ведет к увеличению усталости. Усталость ведет к риску. Это способен понять только хирург. Другой такой работы нет, я уверен.

— Что вас отвлекает, что мешает вашей работе?

— ...Пожалуй, одно. Сознание беспомощности.

— Это беспомощность человека перед болезнями?

— Беспомощность человечества. Мысль эта мешает мне в работе. Медицина прежде имела шанс броситься человеку на помощь, было время сориентироваться, найти, что противопоставить орудиям смерти. Теперь такого шанса нет. Медики должны первыми нанести удар по войне.

КОНЦЛАГЕРЬ

Чарлз АЛЛЕН,
американский публицист

АЛЛЕНВУД, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1952 ГОД

Алленвуд — сонная деревня в четыреста жителей на берегу живописной реки Саскуэханна в горной части штата Пенсильвания. В нескольких минутах езды от деревни стоит огромный щит: «Федеральный лагерь для интернированных»[1].

Здесь перпендикулярно главной магистрали начинается проселочная дорога, и менее чем через милю встречается еще один указатель: «Хода нет!» Разрешение на дальнейший проезд необходимо получить в «пропускном пункте» — большом доме с зарешеченными окнами.

За «пропускным пунктом» дорога петляет среди холмов и выводит к главным воротам лагеря. Лагерь расположен на плато на высоте 1500 метров над долиной, со всех сторон окруженной покатыми склонами Аппалачей.

За главными воротами — конструкция из колючей проволоки в три метра высотой — виден ряд строений, и ходят люди. В некотором удалении другие дома и огромная труба, откуда валит густой дым. Несколько дорог отходят от основной, ведущей к центральному зданию лагеря, всюду очень чистенько, аккуратно посажены цветы. На круглом постаменте прямо напротив здания торчит высокий деревянный шест, на горном ветерке полощется звездно-полосатый флаг.

ЕСЛИ ВЫ ЛЮБИТЕ АМЕРИКУ...

Суперинтендант федерального лагеря для интернированных медленно поднялся из-за огромного стола. Ги С. Рексроуд, полковник армии США (в отставке), ему за шестьдесят, подтянут, строен, загорелое лицо, редкие седые волосы, гладко выбритые полные щеки и очки в металлической оправе, спокойные, неторопливые манеры. Говорит он мягко, глядя в глаза собеседнику.

— Итак, чем могу быть полезен? — спросил полковник, испытующе глядя на меня. Я объяснил, что, по моим сведениям, Алленвуд в соответствии с законом о внутренней безопасности перестраивают в концентрационный лагерь.

— Да,— сказал полковник Рексроуд,— такова поставленная перед нами задача.— Он добавил, что в его обязанности как сотрудника Бюро тюрем и его официального представителя здесь входит обеспечение контактов с прессой.

— Но,— продолжал он,— вы первый газетчик, которого мы принимаем. И если вы любите свою страну, вы не будете писать ни о чем, что здесь увидите...

Он замолчал и многозначительно уставился на меня, я, в свою очередь, смотрел на него, ничего не отвечая.

— ...но перед тем, как мы осмотрим лагерь, давайте подойдем к карте, и я расскажу вам, что и как.

Он взял указку, подошел к карте и тщательно взвешенными фразами начал детальное описание места.

Он рассказал, что правительство купило территорию в 1943 году для производства, упаковки, хранения и транспортировки тринитротолуола (ТНТ) на военные нужды. Завод работал с 1943 по 1947 год. Затем все сооружения пустовали до февраля 1952 года, когда полковник Рексроуд и шестьдесят арестантов приехали построить здесь концентрационный лагерь.

Полковник обратился к карте:

— В этом месте — «птичники».— («Птичник», как я выяснил,— это огромная земляная яма для хранения ТНТ и боезарядов с ТНТ.) — Отличные хранилища! — сказал полковник Рексроуд.

— Вот здесь мы с вами находимся.— Он показал на карте условный знак «командного пункта».— Через несколько

[1] *Интернирование — особый режим ограничения свободы, устанавливаемый одной воюющей стороной для гражданских лиц другой воюющей стороны, оказавшихся на ее территории.— Прим. ред.*

недель мы тут закончим и тогда займемся домами для подрывных элементов.— Указка медленно поползла в сторону «птичников».— Это здание,— продолжал полковник,— когда мы приведем его в порядок, сможет вместить полторы тысячи человек, а возможно, и больше.— Указка переместилась в обратном направлении.— Здесь был цех. Большое помещение. Очень пригодится. Почти сто метров длиной. Сюда мы сможем запихнуть по крайней мере три тысячи.

Он показал на третье строение близ «командного пункта».

— Если понадобится, мы можем использовать и его. А если постараться, глядишь, расширимся на тысячу-другую.

— Какой будет лагерь,— спросил я,— для мужчин или смешанный?

— Пока мы получили только мужскую одежду, но, думаю, будут и женщины. Возможно, целые семьи... Это более гуманно.

— Дети тоже? — спросил я. Вопрос застал его врасплох, полковник отвернулся.

— Да, дети, возможно, тоже... Насколько я понимаю, эти люди могут силой, насильственно свергнуть правительство, если мы не упрячем их за колючую проволоку.— Он чуть ли не оправдывался.

— Но дети, старики, женщины? Неужели целые семьи вот-вот начнут плести заговоры, шпионить и саботировать?

— Пойдемте же,— сказал он, вдруг теряя хладнокровие,— пойдемте...

Мы стояли на заросшей травой площадке, и полковник показывал объекты, лежавшие под нами: слева — электростанция («Мы полностью обновили двигатель, все в отличном состоянии»), справа — пожарное депо, поодаль — «раздевалка», где во время войны обыскивали рабочих, опасаясь краж или диверсий.

— А там,— суперинтендант махнул рукой,— был наш кафетерий.

Так мы стояли, кажется, целую вечность, пока полковник Рексроуд не сказал:

— Что ж, а теперь давайте прокатимся.

Мы миновали несколько извилистых и ухабистых дорог и подкатили к первому бараку. Не раз наш автомобиль пересекал железнодорожные пути, ныне явно заброшенные.

— Задержанных доставят сюда на поезде?

Полковник ответил:

— Это не в моей компетенции. Когда строительные работы закончатся, меня переведут в другое место. Но, думаю, что в данном случае поезда — более эффективный вид транспорта, чем автобусы или грузовики.

Барак № 1 оказался длинным продолговатым строением в шесть метров высотой с огромными окнами и плоской крышей. Когда-то здесь был основной цех тринитротолуолового предприятия. Вокруг все еще можно было видеть остовы станков и металлические ящики, набитые ржавыми болтами и гайками.

— Здание в прекрасном состоянии,— с видом инспектора заметил полковник.— Нужно лишь залатать крышу. Этим мы займемся, когда приведем в порядок остальные объекты. Сюда мы с легкостью запихнем три тысячи человек. Думаю, даже больше. Мы можем разместить их в два этажа, пачками. Представляете, такие деревянные спальные полки в два яруса.

— Когда можно заселять?

— В этом году,— ответил суперинтендант.— Если вдруг начнется война или конгресс прикажет упечь их заблаговременно, можно тотчас гнать их сюда, пусть сами строят себе жилище. Среди них будут, как я полагаю, свои строители и плотники.

Когда мы вышли, полковник показал в дальний конец серого здания, предназначенного стать бараком № 1, и сказал:

— Видите, дорога подходит прямо к платформе, так что проще простого все привести в порядок.

Вскоре мы проезжали другое продолговатое здание, несколько меньших размеров, чем первое.

— Здесь можно будет поместить по крайней мере полторы тысячи человек,— сказал суперинтендант.

— Можем ли мы остановиться и осмотреть здание?

— Мне бы не хотелось,— сказал полковник. Я заметил, что несколько человек (не заключенных) разгружали что-то. Военные все еще используют помещение под склад? Да, был ответ. Полковник тоже складирует здесь материалы для лагеря? Снова «да».

— Но со складами — другая проблема,— сказал он, меняя тему.— В них нет окон, а у них (узников) должна быть вентиляция.

— Солнце и свежий воздух для арестантов?

— Ну, тут далеко не пикник,— ответил он и предложил: — Давайте посмотрим «птичник».

Все они закрыты,— сказал полковник,— но мы поедем к 82-му, это единственный, который открыт.

82-й порос густой травой и сорняками.

— Прекрасная маскировка! — сказал полковник с энтузиазмом. Он подошел к огромной металлической желтой двери и с усилием потянул на себя. Ржавые петли заскрипели, оглашая округу зловещими звуками.

— Слушайте! — приказал он, когда мы вошли, и хлопнул в ладоши. Звук отозвался резким щелчком. Он крикнул: «Ау!», и голос заухал в напряженной пустоте.

Казалось, что стоишь внутри огромного металлического шара. Наверху было отверстие, по-видимому, для вентиляции. Сколько снарядов может храниться в «птичнике»? Он не знал.

— Сколько человек можно сюда поместить, живых или мертвых? — спросил я суперинтенданта. Эхо повторяло и повторяло мой вопрос, и в этот момент солнце зашло за облако, все сразу погрузилось во тьму. Из-за особенностей акустики я услышал только последнюю часть ответа:

— ...сделаем это... Мы не сделаем это.

Мы вышли наружу осмотреть последний барак, № 3, это типичная армейская казарма.

— Мы используем и его, когда заполним остальные,— сказал полковник.— Как видите, сюда войдет не более трехсот, не более. Стены в очень плохом состоянии и требуют ремонта. Но отсюда хороший вид,— заметил полковник, показывая на холмы и реку внизу за колючей проволокой.

— То есть вы можете в лагере разместить от четырех до семи тысяч заключенных?

— Да, именно столько,— согласился он.— Теперь вы знаете о лагере почти столько же, сколько я. Я не в курсе, когда их сюда привезут и как с ними будут обращаться. Я здесь только затем, чтобы привести это место в порядок.

Я заметил, что тут жаркое лето и очень холодная зима.

— Да,— согласился полковник.— Летом, бывает, жарит. А потом — дожди, и дороги — сплошная грязь. Очень холодно зимой. Сильные, холодные ветры и глубокий снег. Я знаю, потому что остаток зимы провел здесь.

Полковник Рексроуд подвел итог: мы тщательно осмотрели каждый уголок лагеря.

— Как я уже заметил,— засмеялся он,— теперь вы знаете об этом месте столько же, сколько и я! — И заговорщицки добавил: — Послушайте, молодой человек. Не вздумайте проболтаться. Вы понимаете, я говорю о пропорциях. Думается, чем меньше людям известно, тем меньше для них беспокойства. Вы понимаете, что я имею в виду. В конце концов это часть нашей национальной обороны.

Мы простились.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через свои источники в Вашингтоне автор установил, что составлен общий список предназначенных для интернирования американцев, куда в 1952 году вошло около пятисот тысяч человек. Список постоянно дорабатывается.

Имена поставляются комиссиями по расследованию антиамериканской деятельности, сотрудниками ФБР, ЦРУ и почтового ведомства, профессиональными свидетелями и платными осведомителями. Новейшие добавления в список черпаются ныне из широких движений за мир и гражданские права.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

ЛЮБОВЬ ПОБЕЖДАЕТ СМЕРТЬ

(ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ)

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Где-то в феврале—апреле вы печатали статью о молодом американском физике Питере Хагелстайне. О том, как он предал любовь и музыку, работая над новейшим ядерным оружием для «звездных войн». Статья эта меня очень заинтересовала. Очень. Я много думала о его судьбе, восхищалась его гениальностью, трудолюбием и поражалась его социальной беспринципностью. Не могла понять, как такая светлая голова могла работать на конец человечества?! Неужели не сможет сделать выбор?

И вот сегодня совершенно случайно узнала (мама слышала по радио), что Питер Хагелстайн отказался работать на войну. Я так обрадовалась, что просто нет слов. Человек прозрел и сделал выбор.

Дорогая редакция! Если есть у вас возможность, дайте в печать материал — продолжение «Истории предательства...». Расскажите миру о том, что Хагелстайн сделал свой выбор. Ему он, по всей видимости, дался нелегко.

Очень на вас надеюсь.

С уважением,

Голубева Аида Александровна, 21 год, г. Псков.

В майском номере «Ровесника» за 1986 год действительно был напечатан очерк американского журналиста Уильяма Броуда «История о предательстве музыки и любви». В нем рассказывалось о молодом американском физике Питере Хагелстайне, который мечтал создать лазер для борьбы против рака, а вместо этого был вовлечен в разработку смертоносного оружия для «звездных войн». Его любимой девушке не нравилось, что он работает над ядерным оружием, она даже организовала антивоенную демонстрацию у ворот лаборатории. Хагелстайн разделял ее взгляды, но отказаться от такой «многообещающей» в научном и личном плане работы ему не хватило решимости. Тогда любимая девушка ушла от него.

В очерке был поставлен вопрос, что же удерживало молодого ученого вопреки его взглядам, почти вопреки его желанию в национальной лаборатории имени Эрнста Лоуренса, работающей над ядерным оружием для «звездных войн». Автор очерка, американский журналист, объяснял поведение Хагелстайна тем, что в лаборатории ему были созданы идеальные условия для исследований, его окружали люди, которые могли по достоинству оценить его талант, именно здесь он видел реальный путь для воплощения честолюбивой мечты стать нобелевским лауреатом. Возможно, были и другие причины, о которых Хагелстайн не рассказал журналисту. Но в конце концов не это важно. Было странно и обидно за человека, вызывающего симпатию, способного размышлять над противоречиями жизни, увлекающегося музыкой и литературой и продавшего свой талант на подготовку гибели человечества.

Во время подготовки к публикации этого очерка корреспондент «Ровесника» несколько раз звонил в лабораторию имени Эрнста Лоуренса и пытался связаться с Хагелстайном. В лаборатории наши звонки восприняли весьма иронически, сказав, что Питер не любит журналистов и всячески избегает их. Поговорить с Хагелстайном тогда нам так и не удалось.

А через четыре месяца после выхода майского номера появилось сообщение: «Отказался от участия в исследованиях в рамках программы «звездных войн» Питер Хагелстайн, один из ведущих ученых ливерморской лаборатории ядерных исследований, которой принадлежит огромная роль в реализации СОИ («стратегической оборонной инициативы»). По мнению газеты «Котидьен де Пари», шаг известного американского специалиста в области лазерной техники стал тяжелым ударом для администрации».

Потом в «Ровесник» стали приходить письма читателей (одно из них мы и поместили здесь) с просьбой рассказать, что же все-таки произошло с героем опубликованного очерка. Нам было приятно, что наши намерения вернуться к истории Питера Хагелстайна совпали с желанием читателей.

Итак, мы позвонили в Нью-Йорк нашему корреспонденту Светлане Сухой. И вот что она нам сообщила.

Однажды Питер Хагелстайн, как обычно, поздно вечером ушел из лаборатории. Утром он позвонил друзьям и сообщил, что заболел гриппом. Чуть позже выяснилось, что он подал в Национальную лабораторию имени Эрнста Лоуренса в Ливерморе заявление, в котором отказывался продолжать исследования по программе «звездных войн» и просил считать его уволенным. Кроме того, оказалось, что он уже успел продать дом и исчезнуть. Сейчас, когда мы говорим с вами, американским журналистам еще не удалось его разыскать. Они кинулись к людям, знавшим его, работавшим вместе с ним. По словам одного из друзей, Хагелстайн, в свое время попавший под злые чары Ливермора, многие годы работы в лаборатории чувствовал себя в ловушке, из которой не находил выхода. Другой вспомнил, что, когда его поздравляли с созданием «Эскалибура» (так назывался проект создания рентгеновского лазера — по имени магического меча легендарного английского короля Артура, и так же в лаборатории называли рентгеновский лазер с ядерной накачкой — детище Хагелстайна), он ответил: «Не надо меня поздравлять: «Звездные войны» разлучили меня с любовью». Несколько человек сообщили, что не раз слышали, как он говорил: «В начальный период исследований я полагал, что «Эскалибур» оборонное оружие, а он эффективен как наступательное». Можно предположить, что после такого прозрения ему стало совсем невмоготу жить в ладу со своей совестью, общечеловеческой моралью, музыкой. Но своими мыслями об этом он ни с кем не делился: его считали очень сдержанным и застенчивым.

Его коллеги вспомнили, как он иногда говорил, что хотел бы преподавать в Массачусетском технологическом институте и продолжить исследования по разработке медицинского лазера, который спасет человечество от рака. Поэтому теперь высказываются предположения, что Питер Хагелстайн рано или поздно объявится в Массачусетском технологическом институте, полный надежды, что пресса забыла о нем.

Надо заметить, что в американской печати сенсационный уход ведущего ученого из ведущей военной лаборатории не стал сенсацией. Появилось несколько пяти-семистрочных заметок примерно такого содержания: «Блестящий физик, поклонник Моцарта и Баха, создатель суперлазера, композитор и скрипач, тридцатидвухлетний Питер Хагелстайн не хочет работать над подготовкой «звездных войн». Заголовки тоже были довольно однообразны: «Кризис совести», «Отложенная мечта», «Победила любовь»... И дело, наверное, не только в том, что Хагелстайн исчез из поля зрения назойливых интервьюеров и журналистам не удалось поговорить с ним. Рентгеновский лазер с ядерной накачкой, созданный Хагелстайном, считают ключевым моментом программы «звездных войн», и демонстративный отказ творца «Эскалибура» продолжать сотрудничество с Пентагоном — такая новость, значение которой постараются всячески преуменьшить.

Питер Хагелстайн одержал победу. Над обстоятельствами, которыми пытался было оправдать себя. Над честолюбием и эгоизмом. Одержал самую трудную победу — над самим собой. Это его выбор.

Нью-Йорк, по телефону
Светлана СУХАЯ

КАК ДЕЛАЕТСЯ «СВОЯ ВОЙНА»

Филип БОНОСКИ,
американский писатель

Американский журналист И. Стоун в книге «Скрытая история корейской войны» сделал немало удивительных открытий об этой войне, которая, как он считает, на самом деле была вовсе не войной, а полицейской акцией. В частности, оказывается, что некоторых «сражений», очень убедительно и со множеством трагических и мрачных подробностей описанных в американской печати якобы свидетелями и непосредственными участниками, вовсе и не было. Они плод фантазии изобретательных членов пресс-корпуса, приданного генералу Макартуру и находившегося под его непосредственным командованием. Как выяснилось впоследствии, эти, с позволения сказать, «сражения» были выдуманы самим Макартуром, чтобы подготовить общественное мнение к началу военных действий США против Китая [1].

В афганской войне, в которой Соединенные Штаты официально не принимают никакого участия, сражения тоже часто происходят только в воображении американских корреспондентов, а газеты, печатая их «опусы», прекрасно знают, что все это выдумки. Но, появившись на страницах печати, эти выдумки превращаются в «факт». Благодаря таким «фактам» Афганистан представляется американцам форпостом войны. А этот «факт» уже может быть использован как предлог для возвращения к «холодной войне», только в новой, более вредной, чреватой опасными последствиями форме.

В июне 1980 года произошло весьма примечательное событие. Вернее сказать, не произошло, и в этом как раз и есть самое примечательное. Потому что в то самое время, когда известие об этом событии должно было обрушиться на мир как кульминационный момент в войне против народного Афганистана, событие куда-то исчезло.

9 июня 1980 года агентство Ассошиэйтед Пресс передало из Дели сообщение, опубликованное всеми американскими газетами под гигантским за-

[1] *После освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 году ее территория была временно разграничена на две зоны. Вопреки международным соглашениям и воле корейского народа в Южной Корее в августе 1948 года был создан марионеточный режим, что закрепляло раскол страны. 25 июня 1950 года южнокорейская военщина развязала военные действия против образовавшейся на севере страны Корейской Народно-Демократической Республики. Соединенные Штаты Америки тотчас же вмешались во внутренний корейский конфликт. Интервенционистскими силами США и некоторых других стран командовал генерал Дуглас Макартур. КНДР при активной поддержке СССР, КНР и других социалистических стран дала отпор агрессорам, которые были вынуждены пойти на подписание (27 июля 1953 года) перемирия.— Здесь и далее прим. ред.*

Главы из книги «Необъявленная война против Афганистана». Продолжение. Начало в № 9, 10.

Разве не символичен этот снимок — можно ли лучше передать дух отношений советских солдат и афганского народа.

головком: «Повстанцы приближаются к Кабулу. Советские войска приведены в боевую готовность». В нем, в частности, говорилось: «Как сообщает из Кабула один иностранный путешественник, располагающий в столице Афганистана широкими связями, борцы мусульманского сопротивления[2] с разных направлений продвигаются к окраинам Кабула. Советские войска принимают меры для защиты города».

10 июня «Лос-Анджелес таймс» напечатала корреспонденцию Тайлера, в которой отмечалось, что «сообщения о тяжелых боях между афганскими партизанами и советскими войсками в горах, в окрестностях Кабула, знаменуют новую фазу сопротивления марксистскому режиму...». Правда, в том же самом сообщении Тайлер признает, что данные о событиях в Кабуле, собранные в Дели по крупицам из рассказов разных «путешественников», могут быть несколько преувеличены.

Однако двумя днями позже, 12 июня, и снова со слов «путешественников», «Геральд трибюн», собрав воедино материалы разных агентств, выступила с «новой» информацией о том, что в Герате и Кандагаре (двух крупнейших городах страны) введено «военное положение», а советские войска тем временем «продолжают развертывание военной техники вокруг Кабула в связи с растущей концентрацией сил мятежников».

20 июня 1980 года Юнайтед Пресс Интернэшнл передавало из Исламабада, что, «по сообщению представителя повстанцев в Пакистане, они обратились к кабульским торговцам, студентам и другим жителям столицы с призывом провести всеобщую забастовку протеста против пребывания советских войск в Афганистане...».

Так что к середине июня 1980 года, если миру (особенно американскому миру) было угодно поверить этим сообщениям (а мы знаем, что даже весьма искушенные газетчики поверили в это), то мир мог ожидать со дня на день падения Кабула и двух крупнейших городов Герата и Кандагара, охваченных всеобщей забастовкой. Мир мог ожидать, что падение кабульского правительства — вопрос нескольких дней, если даже не часов.

Почему же советские войска, «окруженные, безнадежно затравленные врагом», выбрали именно этот момент — 22 июня, чтобы объявить о выводе из Афганистана отдельных воинских частей в связи с тем, что обстанов-

---

[2] *Западная печать именует афганских контрреволюционеров-душманов, чьи руки обагрены кровью невинных жертв, благозвучными названиями — «борцы мусульманского сопротивления», «афганские партизаны» и т. п.*

ка в стране «стала более стабильной»? Может быть, русские сошли с ума или некомпетентны настолько, что не осознают обреченности окруженного врагом Кабула? Разве не понадобится каждый солдат, чтобы отразить удар?

Я покинул Кабул 16 июля, так и не обнаружив никаких следов «решающего выступления мятежников», обещанного к празднику Рамадан. Честно говоря, самое успешное враждебное действие, которое мне удалось наблюдать, было нападение мартышки на спелый банан на базаре.

Вечером 14 января 1980 года Би-би-си передала, что накануне в центре Кабула имели место «гражданские волнения». Поскольку в тот день я был в центре Кабула в указанное диктором время и не видел и не слышал никаких «волнений» или беспорядков, то испытывал неприятное раздражение. Как я могу считать себя репортером, если у себя под носом пропустил шумные события со стрельбой?

Я обратился к сопровождавшему меня переводчику, который все утро штудировал какой-то учебник, и спросил, где скорее всего могли происходить беспорядки. Он не смог мне ничего ответить. Тогда я взял машину и вместе с ним объехал весь город, останавливаясь по дороге и расспрашивая прохожих о вчерашних событиях. Однако ни я, ни шофер такси, ни переводчик никаких следов «беспорядков» не обнаружили. Не услышали мы и рассказов о кровавых событиях от опрошенных нами людей, которых мы выбирали наугад на улицах. В то время местное население еще охотно отвечало на вопросы западных журналистов, которых позже кабульцы стали всячески избегать: они узнали, как перевирается то, о чем они открыто и простодушно говорят.

28 декабря 1979 года в Афганистане была объявлена амнистия. Большинство заключенных к тому времени уже было освобождено, последние 2073 человека должны были быть освобождены утром 28 декабря из главной тюрьмы, расположенной на окраине Кабула.

В тот день, 28 декабря, нам не удалось войти внутрь тюрьмы. Когда мы приехали, то увидели громадную толпу, собравшуюся под серыми стенами. По пути из Кабула мы встретили десятки машин с только что освобожденными узниками; родственники поджидали их с утра и теперь, ликующие, везли по домам. Но те, кого мы увидели у ворот тюрьмы, все еще не встретили своих родных. И хотя им пытались объяснить, что тюрьма пуста, они не расходились и шумно требовали пустить их внутрь, чтобы убедиться в этом самим. Администрация тюрьмы, видя, что успокоить собравшихся и уговорить их разойтись не удается, в конце концов разрешила им войти в тюрьму.

Безграмотные привыкают жить слухами. Страх, паника и подозрительность руководят их поступками. Для людей, которых обманывали веками, стало естественным и привычным не доверять властям, поэтому они докапывались до правды по-своему: собирая и анализируя слухи, обмениваясь сплетнями с соседями.

Ворота тюрьмы распахнулись, и толпа ринулась внутрь. Камеры повсюду были пусты, кроме одной секции, где, помимо министров правительства Амина, сидели контрреволюционеры и другие преступники, всего около двухсот человек[3].

Когда несчастные, к тому времени осознавшие, что их отцы, мужья, сыновья казнены, увидели своих мучителей и палачей — министров Амина,— запахло самосудом... В этот момент один из часовых сделал предупредительный выстрел в воздух, который обратил толпу в бегство.

На следующий день, в субботу, мы снова приехали в тюрьму. Часовые были повсюду на своих местах, охраняя пустую тюрьму. Мы шли длинными коридорами с белыми, выкрашенными известкой стенами между двух рядов камер, а солдаты отдавали нам честь. Те, кого они здесь стерегли, были на свободе.

Вот, собственно, и все об этом. Уже в Москве я прочел в «Геральд трибюн» сообщение под следующим заголовком: «Народ штурмует кабульскую тюрьму; два человека убиты!» Вот оно:

«Кабул, Афганистан, 11 января. Сотни афганцев ринулись на штурм главной тюрьмы Кабула. Тюремная охрана открыла огонь, в результате чего два человека, как минимум, убиты. Около тысячи друзей и родственников заключенных набросились на охрану, ответившую стрельбой. Дипломаты (!) сообщают, что только незначительный процент политзаключенных (из 12—15 тысяч, которые, по имеющимся данным, содержатся в тюрьме) был освобожден, несмотря на обещание правительства освободить всех заключенных, кроме сторонников режима Амина»...

Потрясающе! Я был там. На этом самом месте. Слышал выстрел. Один. Сообщений о жертвах не было ни тогда, ни потом. Было это в пятницу. На следующий день, без помощи дипломатов или безымянных «обозревателей», я побывал в самой тюрьме, прошел пустыми коридорами, заглянул в десятки пустых камер и своими собственными глазами видел тюремные блоки, где содержалось более двух тысяч заключенных (в четверг) и которые были пусты (в пятницу).

6 апреля 1980 года одна из ведущих американских телевизионных программ новостей, «60 минут», выпустила трагикомедию. В своем роде классический образчик телевизионного жанра, когда в короткой, меньше чем на час, передаче отражается все самое нелепое и варварское, что присуще американской буржуазной журналистике.

Передача, а лучше сказать спектакль, была задумана как документальный сюжет, в котором ведущий программы Си-би-эс Дэн Радер, загримированный лучшими гримерами компании под афганца, тайно проник в Афганистан и был заснят на пленку как сторонний наблюдатель «военных действий».

Дэн Радер приехал в Афганистан в конце марта 1980 года, чтобы создать там «свою войну». Он попросил местное население показать, где идут бои. Радер пришел в ужас, когда ему ответили, что никакой войны нет. Что делать? Он просто не мог вернуться домой и доложить компании Си-би-эс и телезрителям, что ему не удалось разыскать войну, которую тогдашний президент США Картер назвал «величайшей угрозой миру со времен второй мировой войны». И как множество других пиратов телевизионных ревю до него, он приказал «организовать войну». Дэн Радер, одетый в крестьянский халат, с размалеванным «под загар» лицом, «проскользнул» в Афганистан (вместе со своей съемочной группой) снимать «войну». Съемки обернулись серией интервью с «мятежниками», которые сыпали обвинениями в адрес Советского Союза, не заботясь представить какие-нибудь доказательства. Радеру пришлось втолковывать «мятежникам», что он приехал снимать войну, а не разговоры о войне, и те, как охотничьи псы, натасканные на дичь, разбежались по команде и принесли то, чего от них ждали. Они послушно напали на афганскую деревню Катехабаб, захватили (читай: «похитили») трех жителей, копавших арык, и приволокли их на деревенскую площадь. Операторы принялись за работу. Но снять трех запуганных крестьян недостаточно, чтобы завоевать для Си-би-эс телеаудиторию, способную принести 200 миллионов долларов прибыли на рекламе. Тогда Радер объяснил «мятежникам», что фильм будет интересней, если похитители «разыграют» священный гнев против мерзких безбожников и поярче выразят свою ненависть к ним ради святого дела защиты ислама и американского телевидения. «Мятежники» принялись за дело: несчастных забили камнями, а потом отрезали им головы. Радер отснял нужный метраж, «исполнители» получили благодарность и плату по установленному тарифу.

Эти кадры все же не были показаны на телеэкране, но стали достоянием других журналистов. Разгорелся скандал... принесший славу Си-би-эс и самому Радеру. В связи с этим Си-би-эс подняла стоимость тридцати секунд своего рекламного времени с 30 до 40 тысяч долларов.

9 июля, в канун праздника Рамадан, я снова оказался в Кабуле. Никакого намека на решающую битву, которая была названа буржуазной прессой неизбежной. «Стальное кольцо» вокруг

[3] *Эти люди были посажены в тюрьму за преступления против трудового народа Афганистана.*

Кабула каким-то образом испарилось. Сконцентрированная в городе сорокатысячная правительственная армия усохла до одного полицейского на углу у нашей гостиницы. Танков на перекрестках в стратегически важных точках нигде не было, кроме одного, который давно стоял на постаменте на площади Революции. Торговцы не бастовали, студенты не демонстрировали... И если путешественникам нужно было попасть в Кабул или покинуть его, делалось это не под покровом ночи, а средь бела дня и пользовались они либо автобусами, либо самолетами.

Да и вообще все ужасы куда-то вдруг подевались. Пресса тоже замолчала. Но ненадолго! Не успели мы, воочию оценив ситуацию, зафиксировать тот факт, что «массы повстанцев», окружавших Кабул, исчезли, словно призраки, как Би-би-си подкинула новую тему для размышления. Теперь она сообщила о подготовке нового восстания в Кабуле, намеченного на канун Рамадана, то есть оно должно было начаться со дня на день.

17 января 1981 года я в ожидании самолета провел целый час в аэропорту Кабула. Вылет задерживался из-за опоздания самолета. Я сидел и от скуки грыз орешки. Наконец объявили посадку. Самолет нормально взлетел, и полет до Москвы прошел без происшествий.

Каково же было мое изумление, когда, прочитав в Москве информацию с телетайпной ленты, я узнал, что в то самое время, когда я безмятежно грыз орешки, в аэропорту разыгралась страшная баталия! Оказывается, надо мной, изрыгая огонь и свинец, проносились истребители. Грохотала канонада. А я ничего этого не слышал. При свете дня сталкивались чуть не целые армии, но, видимо, там, где пребывали мои слух и зрение, царила ночь, я слышал только пение птиц.

Описание боя не могло быть недостоверным потому, что появилось под крупным заголовком в «Вашингтон пост». А уж если сама знаменитая «Вашингтон пост» описывает какое-нибудь событие, это должно быть правдой! Да к тому же государственный департамент «подтверждает» достоверность сообщения.

Должен признаться, я был в недоумении...

Затем появилось новое сообщение в «Вашингтон пост»:

«Даже самые надежные источники допускают ошибки. В январе в столице Пакистана Исламабаде заслуживающий всяческого доверия человек, дипломат одной из западноевропейских стран, в ответ на вопросы журналиста сообщил, что посольство его страны докладывает из Кабула о тяжелых боях в районе аэропорта с участием советских истребителей, которые наносят воздушные удары в окрестностях столицы. Единственная проблема заключается в том, что боя этого не было».

Вот уж действительно проблема! И этот случай ни в коей мере не единственный, просто здесь репортер был схвачен на месте преступления.

Бен Бредли из «Бостон глоб» заметил как-то, что многие посольства западных стран основную информацию получают от своей прислуги, которую посылают по утрам на базар за свежими овощами и свежайшими сплетнями.

Эти «сообщения» затем передают Би-би-си, «Голос Америки» и другие распространители международной информации. И не исключено, что создатель исходного сообщения в Афганистане услышит собственное творение преувеличенным и приукрашенным в десятки раз.

Со временем болото дезинформации, выросшее в прессе из мутных ручейков, смело хрупкие преграды и заполнило пределы литературы и науки. Не прошло и года, как стали появляться книги, подписанные профессорами и обычно кем-нибудь еще, кто когда-то провел некоторое время в Афганистане. И совершенно невозмутимо литературным стилем, называющимся «Даведь-обо-всем-этом-было-написано-в-газетах», они воспроизводили те же самые душераздирающие газетные сплетни, над которыми мы смеялись за утренним кофе.

Я думаю, что лучшей иллюстрацией, как это делается, могут быть Нэнси Пибоди Ньюэлл и Ричард С. Ньюэлл, которые провели некоторое время в Афганистане и которых теперь рекламируют — одну как «независимого исследователя общественных структур Афганистана и Южной Азии», а другого — в качестве «специалиста по Афганистану». Эти «ученые» так описывают Кабул февраля 1980 года в совместно написанной книге «Борьба за Афганистан»: город охвачен забастовкой; распространяются «шабнаме» («ночные письма», призывающие к антиправительственным демонстрациям); опорные пункты милиции разорены; тысячи людей кричат, забравшись на крыши; армия, вернее то, что от нее осталось, сдается демонстрантам; автобусы, трамваи и здания полыхают. И далее в том же духе... Все точно в соответствии с планами стратегов, сидящих в Пешаваре, но прибывших из Вашингтона: мятежники свергают «марионеточный режим». Теперь можно восстановить «демократическое» правление!

И по мере того как изложение февральских событий скачет, превращаясь из смешной нелепицы в гротеск, а затем в полный идиотизм, и ученость послушно скачет вслед: на плечах профессорская мантия, а на голове плотно сидит... что это? Больше похоже на шутовской колпак, и колокольчики весело позвякивают... И хочется кричать: «Не было этого! Не было!»

Теперь давайте посочувствуем американскому студенту, который доверчиво идет в университетскую библиотеку и сосредоточенно выбирает книги, в которых, он уверен, сможет найти чистейший источник правды об Афганистане! Никогда еще доверие не вверялось таким ненадежным рукам! Миф, в основе которого лежат подлог и классовая ненависть, приобретает свою собственную жизнь и возникает на академической сцене уже в качестве святой истины, которая наверняка затем воплотится в десяток дипломных работ, и они одобрительно будут оценены самым высоким баллом. Как же догадаться бедному студенту перед строем столь мощных фолиантов, в которых самая наглая ложь выдается за неколебимую истину, что те самые «ночные письма» задуманы, написаны и размножены на самом современном аппарате фирмы «Ксерокс» даже не афганскими «патриотами», а людьми из американского посольства, чей литературный талант был отточен в том замечательном учебном заведении в Лэнгли, которое известно под названием ЦРУ, где «патриотов» любого калибра и звания штампуют в нужных количествах по мере надобности?

И откуда же ему знать, что «тысячи патриотов», забравшихся на крыши домов по всему Кабулу и разом воскликнувших «Аллах акбар!», получили за это по 50 афгани наличными, а голоса этой жалкой кучки были предварительно записаны на пленку и в нужное время загремели, усиленные динамиками, которые другие «патриоты» притащили на крыши?

И все-таки два года спустя мне удалось выяснить (более или менее точно), что на самом деле произошло тогда в июне 1980 года, когда, как писали американские журналисты, Кабул был окружен силами мятежников, а потом эти мятежники по какой-то необъяснимой причине исчезли... Тут я снова обнаружил, какую «пользу» могут приносить «историки» и «ученые» вроде Ньюэллов. Сейчас я вам процитирую одно место из книги «специалиста по Афганистану»: «Большое скопление «муджахидинов» вокруг Кабула, о которых сообщали в начале июня 1980 года, оказывается, было задумано скорее как демонстрация силы и, возможно, как средство (!) проникновения в столицу, нежели как прелюдия к штурму...»

Они просто хотели попугать, только и всего!

В дальнейшем «Дейли телеграф» свидетельствовала: «Отъезд из Кабула американских журналистов ознаменовался резким уменьшением количества сообщений, обычно приписываемых «дипломатическим источникам», о вооруженных столкновениях и смертельных схватках». Но американское посольство в Кабуле упорно продолжало выпускать сообщения, преувеличивая успехи мятежников, что, по мнению дипломатов других стран, отрицательно отражалось на авторитете Соединенных Штатов и создавало излишне оптимистическое впечатление о возможностях повстанцев.

Перевел с английского
Н. ХАЛИП

Окончание следует

ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?

1. ХОЧУ ЖИТЬ ПО-ДРУГОМУ!

МАРКУС, 17 лет. Мангейм, ФРГ

2. НАЙТИ ПУТЬ ДРУГ К ДРУГУ

Хэнк УИТТЕРМОР, американский писатель

1. Мои родители представляют счастливую судьбу для меня примерно так: обеспеченное существование. Интеллектуальная работа. Ни в коем случае не рабочим. Я должен стремиться к профессии, которая позволит мне купить дом с садом, машину, гараж, путешествия во время отпуска и все такое. А потом — гарантированная пенсия. Моя девушка должна быть из хорошей семьи, ее родители должны принадлежать к «обществу». Думаю, такой вариант их бы устроил. Ходить с этой девицей в кино, на дискотеки, посещать приличный молодежный центр или молодежные мероприятия, которые организует церковь,— вот образец моего времяпрепровождения. Но не нужно слишком рано связывать себя семьей, а то можно испортить всю жизнь. Мужчина имеет право наслаждаться холостяцкой жизнью, «перебеситься», а потом жениться на святоше, да чтоб к тому же была красавицей. Такая, что не стыдно показаться с ней на людях, ну и эмансипированная, конечно, но не так, чтобы очень.

А еще мои родители очень хорошо представляют, как я должен выглядеть: «Надень глаженую рубашку, постригись... На кого ты похож! Еще в полицию заберут».

Еще эта школа танцев. «Не ходить в школу танцев — какой позор!» Я был там три раза. Мне жутко надоело. Такая обывательщина, честно, так тошно,— больше я туда не пошел. Когда они узнали — началось: «И это наш сын! Какой позор! Так ты никогда не научишься правильно танцевать, что та-а-ак важно для тебя».

Мои родители вполне довольны собой и своей жизнью. Они хорошо зарабатывают — «средний класс», даже чуть выше, имеют дом с садом, ходят на званые обеды, в театр, в оперу, у них полно картин и книг, с которых тщательно сметается пыль, они принадлежат к избранному обществу нашего города.

Да, мои родители очень довольны собой, их только смущает, что я до сих пор не на «правильной дороге». Это, считают они, из-за политической каши в моей голове. По их представлениям, иметь какие-то политические взгляды можно, но не такие левые, как у меня. Мой отец считает себя человеком объективным, то есть у него нет своего мнения. Я готов волком выть, когда они устраиваются у телевизора и принимаются комментировать новости. Они пристают ко мне и заговаривают меня до полусмерти, лишь бы сбить меня с толку. Когда мы смотрим вместе телевизор, это обязательно кончается скандалом, и тут уж либо я сам ухожу, либо меня отсылают прочь. И после этого они упрекают меня: «Ты приходишь домой только спать и есть». Однажды они сказали: «Нам нужно наконец поговорить о твоих взглядах на жизнь. Расскажи нам все». А когда я начал рассказывать, они ничего не поняли. Да и не слушали, по-моему. Они ведь думают, что все знают, а то, чего они не знают, все глупости. Конечно, они считают правильным, что я выступаю за мир, но тут же добавляют, что у меня слишком односторонний взгляд на вещи. То есть, по их мнению, нам, может быть, и нужны новые ракеты, чтобы обезопасить себя от русских. Политикам виднее. Мы начинаем спорить. Иногда они вроде бы соглашаются с моими доводами, но тут же добавят: «Это потом. Сначала надо встать на ноги». А что этого «потом» может не быть, если повсюду американцы наставят ракеты, это их не касается. Это дело политиков. Не могу понять, как может человек, который, как мой отец, сам пережил в детстве войну, жить вот так, ровным счетом ничего не делая для сохранения мира.

И в остальном они занимают точно такую же позицию наблюдателей. Они же знают, как тяжело найти место ученика и как долго я боролся за свое место столяра. Отец понимает, что это предприниматели виноваты, что мест для учеников так мало. Но заявить об этом в открытую — как можно! Когда из-за этих самых мест мы устроили демонстрацию перед бундестагом, мать сказала: «Мне стыдно за моего сына». Им, видите ли, стыдно за меня. Они спрашивают себя, как я мог стать таким, раз они дали мне хорошее воспитание и ребенком я ни в чем не знал отказа.

У меня было все, это точно. Но я вижу, как несправедливо у нас все устроено. Я вижу, что при капитализме с помощью денег можно делать все, что хочешь. Можно подавлять людей. Многим же приходится влачить жалкое существование — наша система просто опасна для жизни! Мои родители не могут себе представить, как это я могу хотеть жить по-другому, не так, как они. Они говорят: «Когда тебе стукнет тридцать, ты будешь думать совсем иначе». Но я надеюсь, что этого не случится. Я буду

доволен собой только в том случае, если мне удастся что-то сделать, чтобы изменить наше общество. Я не хочу растрачивать свои силы только на себя самого, свою жену и собаку, силы нужны мне для настоящего дела. Только в этом я вижу смысл. Конечно, хорошо, чтобы каждый жил в достатке, имея хорошую работу, образование. Чтобы культура и искусство были доступны для всех. Я знаю, и при социализме бывают ошибки, но я вижу, что это самая правильная общественная система, ведь именно при социализме возможен прогресс для всех.

Мои родители полагают, что я на ложном пути. Оказывают на меня давление, пытаются изменить мои взгляды. Иногда мне очень тяжело. Однажды отец сказал мне, что это я буду виноват, если моя мать умрет, ведь я самый неудачный из всех четверых детей и доставляю ей сплошные огорчения. Я не знал, что ему ответить. Как объяснить моим родителям, что политические взгляды не могут не влиять на весь образ жизни! Я стараюсь как можно меньше зависеть от родителей, хочу сам встать на ноги. Всякий раз, разговаривая с отцом, я чувствую себя уверенно, потому что мои аргументы сильнее — ведь я знаю, что я на верном пути.

Записала Доротея ПОЙКО, западногерманская журналистка

Перевела с немецкого С. БЕДЕНКО

2.

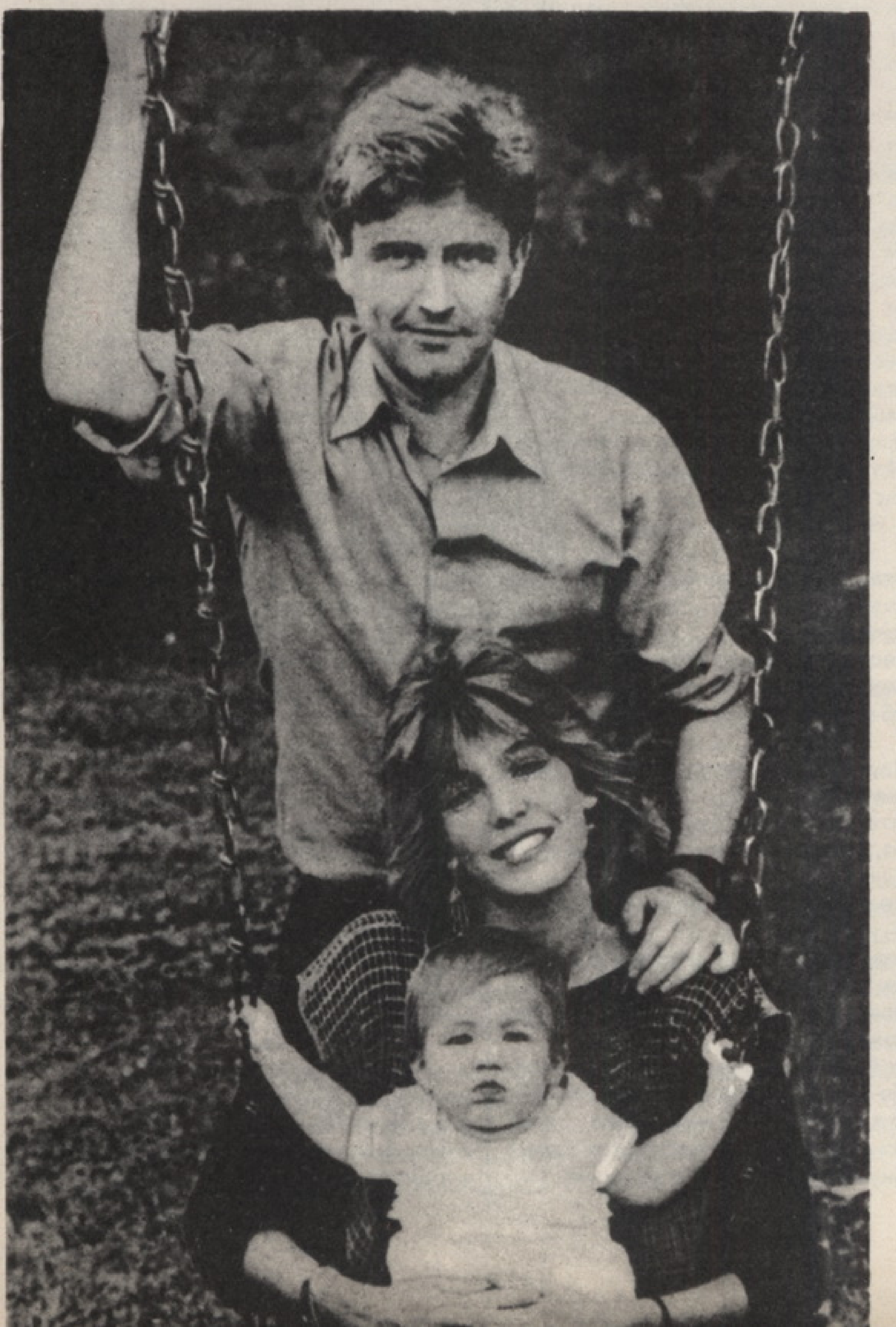
Дорогая Ив,

итак, тебе исполнился двадцать один год, возраст значительный для кого бы то ни было, но в особенности для молодой современной женщины. Что же я, отец, могу сказать дочери по такому случаю?

Кажется, еще вчера ты была моей малышкой, а я играл роль твоего всемогущего защитника. Я воображал себя твоим Прекрасным Принцем — самым красивым, умным и смелым из всех на свете мужчин. Уже в те годы я чувствовал себя и первым мужчиной в твоей жизни, на котором лежит ответственность ввести тебя в огромный и опасный мир.

И я инстинктивно понимал, что избран представить тебе другую половину рода человеческого. Твое первое восприятие мужчины должно было пройти через меня. На горе или радость, именно я во многом определю твои будущие отношения с мужским полом.

Да, но в те далекие годы меня еще не обременяли столь сложные проблемы. Так чудесно было гулять с тобой по парку и ловить тебя с горки и детских лесенок. А какое удовольствие я получал, когда покупал тебе сладости и мы шли по улицам, держась за руки! Как все было просто, когда я читал тебе на ночь сказки, гладил по спинке, отправлял в школу, обнимал, встречая после уроков,— так просто было говорить, что я тебя люблю.

Тебе было десять лет, когда тебя захватило первое увлечение — лошади. Лошади глядели с плакатов, которыми были увешаны стены твоей комнаты, игрушечные лошадки и статуэтки скакали на твоих полках — ты стала пропадать на манеже, где училась верховой езде.

Конечно, я не мог купить тебе лошадь, но на коневодческой ферме у тебя было несколько подопечных, с которыми ты возилась все выходные так, словно они принадлежали тебе.

Это было и началом нового этапа в наших отношениях. Мальчишки пока не интересовали тебя, ты и без них жила полной жизнью. Теперь, оглядываясь назад, мне кажется, я понимаю: где-то в глубине души ты начинала осознавать ограниченность возможностей твоего отца. Он — то есть я — уже не мог давать тебе все то, к чему ты стремилась.

Я вспоминаю, сколько раз прохладным сырым утром, когда на улице еще темно, я привозил тебя в манеж. В машине мы болтали и смеялись, а потом, поцеловав меня (правда, наспех, уже не так, как раньше, но все-таки поцеловав), ты мчалась к своим любимцам, ты скребла их, кормила, скакала верхом. Я помню, как мечтал тогда: «Ах если б ты осталась такой навсегда!»

Но я не глупец, и мы, отцы, отлично понимаем, что наши дочери неизбежно вырастают. Наверное, нет ничего, что пугает и смущает нас больше этого, и задолго до того, как появляется Молодой Человек, мы уже стоим на страже, заранее тоскуя по старым добрым временам, когда наши дочки играли в куклы и лазили по деревьям.

Я вдруг заметил, что изменилась твоя внешность. Начались перешептывания, секретные разговоры с мамой, потом меня стали останавливать: «Не входи к ней! Она еще не готова!»

И я ждал, когда ты выйдешь из комнаты. Я смотрел на тебя словно впервые, раньше я не замечал, что у тебя появилась фигура. И вот наступил тот неизбежный момент, когда я, подойдя обнять и поцеловать тебя, вдруг ощутил странную неловкость, как будто ты была посторонним человеком.

Я уверен, что и ты это почувствовала. Наши прежние отношения уходили, а мы не успели этого заметить; и теперь мы оба должны были вернуть нашу любовь, но, я понимал, уже в иной форме. Выражать привязанность, как прежде, стало неуместным, противоестественным. Нам пришлось на время «расстаться»: мы еще не знали, как вести себя друг с другом.

Сказать, что это было нелегко — значит недооценить всю сложность положения. Я помню, как однажды, увидев тебя, спросил: «Зачем ты намазалась? И что за цвет у этой помады?» Ты разревелась и закрылась у себя в комнате. Оставшись один, я думал: придется привыкать, что у меня в доме еще одна взрослая женщина. Надо проявлять больше терпимости и благоразумия.

Поначалу мальчики были лишь голосами по телефону. Ничего страшного, думал я. Потом появились «школьные друзья». Ужасно! Узнав, что ты с подружками идешь

встречаться с мальчиками, я только и мог что предупредить: «Возвращайся вовремя!» Но однажды вечером под окнами раздался гудок автомобиля. Вот оно! Я давно ждал и боялся этого чудовища: Молодого Человека с собственной машиной.

Чего только я не передумал: поездка в укромное место, спиртное, наркотики, секс! Да, я ревновал. Я не мог тебя защитить, уберечь, во всяком случае, в тот вечер. Ты уже не нуждалась в моих советах.

Я потребовал, чтобы молодой человек вышел из машины и зашел за тобой. «Папа,— умоляла ты,— он этого не сделает! Он ждет в машине!» — «Если ты не выйдешь,— объяснил я,— он догадается позвонить в дверь».— «Нет, папа! Он не станет ждать!» — «Тогда пусть катится,— взревел я,— потому что я хочу знать, с кем ты едешь! Я хочу с ним познакомиться».— «А он не хочет с тобой знакомиться, папа! Я ненавижу тебя!» Да, именно так ты сказала.

Твои глаза были полны слез и ненависти. Мы все-таки пришли к некоторому соглашению. Ты выбежала к машине и сказала молодому человеку, что твой «ужасный отец» настойчиво желает с ним познакомиться. Он проследовал за тобой к двери с видом робкого Джона Траволты[1]. Я деланно улыбнулся и крепко пожал ему руку. Он отводил глаза и терпел.

Через несколько минут вы исчезли. Взревел мотор, оставив позади облако пыли,— ты спешила во тьму. Как это случилось так быстро? Что будет с тобой? Со мной? С нами?..

Я мучился, обвинял себя, что «не досмотрел», в чем-то ошибся и в результате ты осталась без защиты. Я представлял: ты идешь в темноте, «ищешь себя» в этом страшном мире, и никто не может помочь. Теперь я понимаю, что беспокоился, потому что перестал управлять ситуацией, потому что чувствовал себя бессильным. Мир пугал меня, потому что я старался поставить себя на твое место, но при этом смотрел на все своими глазами.

Когда ты не захотела поступать в колледж, а решила пойти работать, я опять страдал, обвинял себя, что, может быть, вовремя не дал тебе нужного совета, не направил тебя. Я часто смотрел в зеркало и думал, какова же моя роль в твоей жизни? Казалось, догоняя тебя, я плыл против течения, тщетно сопротивляясь обрушившемуся на меня потоку...

И вот однажды ты представила мне Чарлза. Он был на девять лет старше тебя, и я опять забеспокоился: ведь он лишь немногим моложе меня! Вскоре, правда, я увидел, как он любит тебя, как заботится о тебе и что ты платишь ему взаимностью. Никто из вас не избегал щепетильных вопросов, трудных проблем, сложных мыслей и чувств. Я спрашивал себя, есть ли в этом и моя заслуга?

Я смог присоединиться к вам, стать другом вам обоим. И вот только тогда я почувствовал, что снова стал тебе настоящим отцом. Новые отношения установились между нами, и я уже не уверен, а было ли то отчуждение на самом деле, или мне это только казалось?

Во время венчания, как раз перед тем, как надо было подвести тебя к алтарю и «отдать» Чарлзу, я вдруг вспомнил, как держал тебя, крошку, на руках в этой же самой церкви перед крещением, как просил других взрослых быть осторожнее, передавая тебя с рук на руки. Органные звуки «Свадебного марша» вернули меня к настоящему.

Ты стояла в белом платье, в глазах у меня затуманилось, но ты положила руку мне на плечо и сказала: «Ну, папка, что ты...» Я нуждался в твоей поддержке, и ты поняла это.

Вот уже и твоя дочь Николь делает первые шаги, и мой зять невероятно радуется. Ему еще предстоит пройти через муки отца взрослой дочери, а пока мы с твоей младшей сестрой Лорной пытаемся найти свой путь. Но это уже другая история.

Что касается нас с тобой, я счастлив, что мы сумели пережить сложный, опасный период в наших взаимоотношениях и найти путь друг к другу.

С днем рождения.

Всегда любящий тебя папа.

Перевела с английского М. ДУБРОВСКАЯ

[1] *Американская кинозвезда.— Прим. ред.*

ОТЦЫ И ДЕТИ

Постарайся честно ответить на следующие вопросы теста, предложенного польскими психологами:

1. Интересовался ли ты когда-нибудь работой твоих родителей?

2. Часто ли тебе кажется, что у родителей без всякого повода портится настроение?

3. Можешь ли ты сказать что-нибудь об интересах, надеждах и планах твоих родителей?

4. Часто ли тебе кажется, что родители предъявляют к тебе несуразные требования под влиянием плохого настроения или по прихоти?

5. Считаешь ли ты, что родители вмешиваются в твои дела, потому что относятся к тебе без уважения и убеждены, что ты постоянно поступаешь неправильно?

6. Согласен ли ты с тем, что твои родители давно забыли, что значит быть молодыми?

7. Считаешь ли ты, что родители хотели бы для тебя не того, чего ты хочешь сам, а чего-то другого?

8. Считаешь ли ты, что твои родители были бы довольны, если бы у тебя совсем не было друзей и подруг и если бы ты все время сидел дома?

9. Часто ли ты делаешь вид, что не замечаешь усталости или плохого настроения родителей, потому что считаешь, что все равно ничем не можешь им помочь?

10. Часто ли ты заранее уверен, что с родителями все равно ни о чем не договориться, потому что разница в возрасте исключает всякое взаимопонимание?

Если в твоих ответах преобладает слово «да», а на вопросы 1 и 3 ты ответил «нет», то причины своих конфликтов с родителями можешь искать в себе самом: похоже, что, независимо от того, правы они или не правы, ты заранее с ними не согласен. И по-видимому, даже не задумываешься над их аргументами. А может быть, это именно ты закоснел в своих взглядах, считая, что современный человек все делает совсем не так, как его «предки»?

Вот оно, так называемое «евродиско»: «Модерн токинг». Показатель популярности: слух о том, что Дитер Болен и Томас Андерс разбились то ли в самолете, то ли в автомобиле — поклонникам хочется чуточку красивой трагедии. Сплетня распространилась еще в феврале. С тех пор во избежание каких бы то ни было случайностей мы регулярно интересуемся состоянием здоровья обоих участников дуэта и можем поручиться — живы, здоровы.

Первый раз мы поймали Дитера Болена в Гамбурге, в студии, где они как раз готовили очередной миньон.

Стараясь быть предельно тактичными, мы прежде всего рассказали Дитеру о распространившемся у нас слухе о его смерти. В ответ он смеялся в телефонную трубку минуты две (за наш счет), смеялся отчетливо и очень жизнерадостно.

— У нас все в порядке, мы чувствуем себя преотлично! И Томас, и я! Только очень много работаем. На этот раз над нашим четвертым миньоном. А за год мы выпустили два гиганта. К тому же, наверное, вы знаете, я являюсь продюсером, то есть работаю и с другими группами. Более того, даже пишу для них песни.

— А как с концертами?

— До сих пор мы участвовали только в телевизионных шоу, так как нам больше нравится работать в студии. Но не исключено, что мы поменяем свою точку зрения.

— Вас не смущает, что все ваши песни похожи друг на друга буквально как две капли воды?

— Думаю, в следующем альбоме нам следует немного изменить стиль, потому что, если мы этого не сделаем, возникнет опасность, что «Модерн токинг» наскучит своим поклонникам. К счастью, пока об этом нет и речи, ведь в прошлом году только в Скандинавии мы участвовали в 75 телевизионных шоу. Мы возглавляем хит-парады в Аргентине, в Бразилии. Практически, кроме Англии и США, нас почитают повсюду. Вместе с тем мы немного боимся, что в один прекрасный день наша музыка надоест.

— Что характерно для нее?

— Наша музыка, возможно, потому необычна, что хотя и существует немало хороших групп «диско», мало кто из них использует хорошие мелодии.

СНОВА О «МОДЕРН ТОКИНГ»

Нам очень хочется, чтобы на страницах «Ровесника» появились сведения о группе «Модерн токинг». Пожалуйста, не ссылайтесь на то, что об этой группе уже писали, что она ничего примечательного не сделала и т. д.

Нас 15 человек.

Немного о группе мы и, правда, уже писали — в июльском номере «Ровесника». Здесь мы публикуем переводы двух интервью, взятых у членов группы «Модерн токинг» журналистами венгерских молодежных изданий «Вилаг ифьюшага» и «Ифьюшага магазин» и комментарий венгерских журналистов.

Наши песни мелодичны. Думаю, в этом секрет успеха: коммерческие, хорошие мелодии. Другие делают не так.

— Когда вы были подростком, кто вам нравился?

— Естественно, «Битлз». Потом мои вкусы изменились: я люблю добротную коммерческую музыку.

— Требует ли производство коммерческих мелодий — это ваши слова — большого труда?

— Приведу только один пример. Для нашего второго гиганта «Поговорим о любви» я сочинил 80 песен. Из них для записи мы выбрали 30, а в конце концов на диске осталось десять. Одним словом, выпуск диска-гиганта требует колоссальной работы. Особенно трудно сочинить песню, которая может возглавить хит-парад. До сих пор нам удавалось это трижды, надеюсь, удастся и в четвертый раз!

Первый вопрос к Томасу Андерсу нескромный, но занимающий читателей:

— Простите, пожалуйста, часто ли вас принимают за девушку?

— Да, недавно в одном баре даже обратились ко мне: «Эй, девочка!»

— Вас можно видеть в жюри на конкурсах красоты. Что вы думаете об этих соревнованиях?

— Если бы я был девушкой, для меня это дело было бы немного неприятно. Я не понимаю девушек, которые надеются построить карьеру на провинциальном конкурсе. Если уж участвовать, то только в высших категориях.

— Вы хорошо учились в школе?

— Нет. Меня больше интересовала музыка и одежда.

— А во что вы играли в детстве? Какие игрушки вы любили больше всего?

— Я должен отвечать? Ну ладно. Куклы. Куклы с длинными волосами. Я часами играл с ними. Наш врач всегда говорил, что из меня получится хороший отец семейства.

— У вас дома кто-нибудь имел отношение к музыке?

— Нет. Как-то раз я выучил одну популярную песню и спел родителям. Это произвело фурор, и на рождество мне подарили гитару. Отец, он был мэром, поддерживал мои амбиции. Старший брат, мэр соседней деревни, тоже старался обеспечить возможности для выступлений, и я наконец начал выступать на новогодних праздниках в крупных танцзалах.

— Родители хотели «сотворить» из вас звезду?

— Нет. Но и не препятствовали мне. До 18 лет отец следил за моими контрактами.

— Вас называют «фабрикой хитов». Как вы к этому относитесь?

— Я терпимый человек. В конце концов, шлягеры любят многие. Я своей музыкой хочу приносить радость, я не собираюсь переворачивать мир.

Если бы в Венгрии проводились опросы на такие темы, то, очевидно, «Модерн токинг» назвали бы группой года. Однако мы не устаем удивляться, что же вызывает такой интерес поклонников? Почему отечественные, венгерские представители такой же сладенькой музыки наталкиваются на сопротивление, а «Модерн токинг» и подобные ей западные группы («Бэд бойз блю», например) пользуются популярностью? Их музыкальный мир, если не принимать во внимание современные, учитывающие моду аранжировки, ничем не отличается от из года в год выпускаемых примитивных танцевальных поделок, тексты песен сложены по привычной схеме: ты да я, да мы с тобой. И все же сегодняшние подростки проглатывают эти рассчитанные (а не сочиненные) на нетребовательный вкус шлягеры с таким энтузиазмом, словно это невесть какое диво. А ведь на самом деле это всего лишь сахарная вата, от которой очень скоро начинается изжога. Не случайно популярность таких групп очень быстро сходит на нет, надоедают как лица исполнителей, так и их музыка. Именно поэтому продюсеры, менеджеры время от времени меняют исполнителей, словно запасные части. Они рыщут по дискотекам, клубам и возносят на музыкальный «Олимп» — насколько это могут позволить несколько шлягеров — какого-нибудь симпатичного парня или смазливую девчонку. С помощью современной аранжировки, красивого или симпатичного исполнителя и умелой рекламы можно довольно легко вдохнуть новую жизнь в традиционные шлягеры. Все, начиная от подростков и вплоть до их бабушек, с готовностью воспринимают этот знакомый музыкальный мир. А поскольку наши венгерские отечественные вкусы в области развлекательной музыки в течение десятилетий «оттачивались» на немецких опереттах и хитах Сан-Ремо, модернизированный традиционный музыкальный мир моментально и с необычайной легкостью воспринимается венгерскими слушателями.

Критики, конечно, же, могут заниматься метанием грома и молний, но звон кассовых аппаратов заглушает все остальные звуки. Бизнес предлагает то, за что публика готова платить, а публика покупает бизнес, что ей предлагает бизнес. Дьявольский круг замкнулся, шоу продолжается. В музыке тем временем витает скорее дух оперетки, нежели Джона Леннона.

Перевела с венгерского Т. ФЕДОТОВА

ПЛЕЙЕР — КНИГОЛЮБАМ. В США налажен выпуск магнитофонных кассет с записями литературных произведений. Причем не специально «аранжированных», театрализованных постановок по книгам, а добротного чтения этих книг вслух известными актерами или же самими авторами. Одними из первых приступили к такого рода общению — с читателями! — Джон Апдайк и Юдора Уэлти. А одними из первых почувствовали вкус к такого рода — чтению! — те, кому много времени приходится проводить в разъездах за рулем автомобиля. Например, коммивояжеру из Атланты долгую двухмесячную командировку скрашивала «Война и мир» — всего 50 кассет. А путь через всю Америку — от берега до берега — измеряется, по свидетельству водителя грузовика, «Дэвидом Копперфилдом» Ч. Диккенса — 22 кассеты.

«И-И РАЗ, ТЯНИ НОЖКУ, СПИНУ ПРЯМО» — долгий путь боли, пота, слез приходится преодолеть балерине, пока воспарит она, подхваченная лучами прожекторов, над покоренной сценой. И обидно, что все это — легкость прыжка и совершенное исполнение сложнейших балетных па — даровано самой природой... лемурам. Во всяком случае, об этом свидетельствуют снимки, сделанные английским натуралистом Сирилом Коннолли.

ВОПРОС ?! ОТВЕТ

Очень хотелось бы прочитать на страницах вашего журнала о творческом пути Иэна Гиллана.

С. Спирин, г. Уфа

В начале своей карьеры Иэн Гиллан писал тексты и принимал участие в студийной записи вокальных партий малоизвестной английской группы «Шестой эпизод». В 1969 году его пригласили в «Дип перпл», и пластинка 1970 года «Ин рок» принесла успех и «Дип перпл» и Гиллану.

В 1974 году он покинул группу — подобный шаг был вызван, по словам самого певца, «уверенностью в собственном таланте и желанием развивать музыкальные концепции рок-оперы» (в 1970 году Гиллан был приглашен для исполнения заглавной партии в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда»). Но Гиллан оказался не очень удачливым автором, и сольные альбомы его и группы «Иэн Гиллан бэнд» не пользовались успехом. Впрочем, в 1980 году он выпустил диск «Дорогой славы», который получил хорошие отзывы и критиков и публики. Но это, пожалуй, было высшей точкой его сольной карьеры.

Как вам, наверное, известно, в 1984 году «Дип перпл» собрались снова в том составе, который принес им когда-то славу («Ровесник» писал об этом в № 6 за 1985 год).

Расскажите, пожалуйста, о группе «Уэм!».

С. Пеленева, Московская область

О начальном периоде творчества британского вокального дуэта «Уэм!» мы рассказывали в № 5 за 1983 год. Вкратце вспомним: двое выпускников школы, Джордж Майкл и Эндрю Риджли, решили попробовать себя в музыке. Первые же песни обратили на них внимание специалистов фирм грамзаписи, а песня «Уэм рэп» принесла группе успех. В ней с грустной иронией описывалась ситуация, в которой оказываются многие молодые англичане (в этой ситуации побывали и сами авторы песни),— вчерашние выпускники школы сразу же попадают в число безработных. Но коммерческий успех этой песни, увы, вдохновил дуэт на создание песен сугубо коммерческих.

В 1983 и 1984 годах вышла пара долгоиграющих пластинок, потом Эндрю Риджли постепенно отошел на второй план, а Джордж Майкл начал выпускать сольные сорокапятки. Сейчас дуэт распался, недавно состоялся их прощальный концерт.

Уже шесть лет стараюсь следить за творчеством американской группы «Стикс»... Пожалуйста, напишите о ней.

Ю. Кучин, г. Барнаул

Группа образовалась в 1971 году. Тогда в ее состав входили Джеймс Янг (гитара, вокал), Джон Курулевски (гитара, вокал, синтезатор), Чак Паноццо (бас-гитара), Джон Паноццо (ударные, вокал), Деннис де Янг (клавишные, вокал). В 1975 году Курулевски покинул «Стикс», и его место занял Том Шоу.

По данным рок-энциклопедий, «Стикс» выпустили более десятка альбомов, в которых ярко раскрылись их композиторские и исполнительские способности. Стоит отметить композицию «Великая белая надежда» из альбома «Восьмые доли», где в аллегорической форме рассказывается о крушении нравственных идеалов в современной Америке.

В 1986 году американское правительство предполагало пригласить группу в Белый дом для участия в праздновании Дня независимости. Но «Стикс» отказались, заявив, что «не собираются играть для палачей Ливии», имея в виду американскую бомбардировку ливийских городов.

Л. БОРИСОВ, С. ЕВГЕНЬЕВ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЛА-МАНШ ТЕПЕРЬ — НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Здесь же расположен и порт Сент-Питер, вольная гавань. На красиво убранных витринах значится: «У нас продаются духи, одобренные 6-м артиллерийским полком». Объявления: «Здесь воспрещается потрошить рыбу и сваливать отбросы», «Продается достойная ослица» и т. д. А с пристани несется на французском: «Эй, на «Дюранде», ближе подходи!» — «Ближе, ближе!» — вторят по-грузински...

Нет лучшего уголка нормандского архипелага, чем в Батуми. Здесь французский режиссер Эдмон Сешан и Гизо Габескирия, со студии «Грузия-фильм», при участии молодых актеров Тбилисского театра имени Руставели, снимают телефильм по роману Виктора Гюго «Труженики моря».

А ЧТО РИСУЮТ! Этим рисунком американский журнал «Тайм» проиллюстрировал рассказ о «тяжкой судьбе» глав крупнейших американских корпораций, повязанных по рукам и ногам американскими же врачами. Дело в том, что стоимость медицинского обслуживания в США выросла с 1983 по 1985 год на 25 процентов и продолжает расти. А крупные корпорации, дабы поднять свой престиж, предусматривают для своих сотрудников отчисления на это обслуживание. А сотрудники болеют, а корпорации теряют деньги, а врачи взвинчивают цены, а... А каково тем, кому приходится платить за здоровье из своего кармана?

ЛУЧАНО ПАВАРОТТИ — ЛУЧШИЙ ТЕНОР, самый любимый, самый... «Когда было проще — вначале или сейчас!» — спросили журналисты.

«У меня есть дар, и я всегда пытаюсь распорядиться им хорошо — вся простота была и остается именно в этом. И еще в том, что всегда чувствую желание, прямо-таки соблазн отдавать. Это обязательное условие, если хочешь быть богат любовью, теплом, привязанностью. И я всю жизнь был богат, даже когда ребенком спал на кухне и подрабатывал после уроков... Сегодня все, как и 25 лет назад... Только тогда я был худым, без бороды и впереди было, по крайней мере, двадцать выдающихся теноров. Сегодня здесь, со мной, целая «капелла» певцов, участников организованного мною конкурса. Все молоды, напористы и с бородами... Считайте, что у меня все как прежде: много пою, а в записной книжке все расписано до 1992 года». В том числе и предстоящие гастроли в СССР — добавим от себя.

...Просим внести ясность относительно рок-опер. Создавалось ли что-нибудь новое в этом жанре?

Ю. Шацило, г. Каховка

РОК, ЭЛЕКТРОГИТАРЫ И ОПЕРА

Джордж МАРТИН, американский музыковед и оперный критик

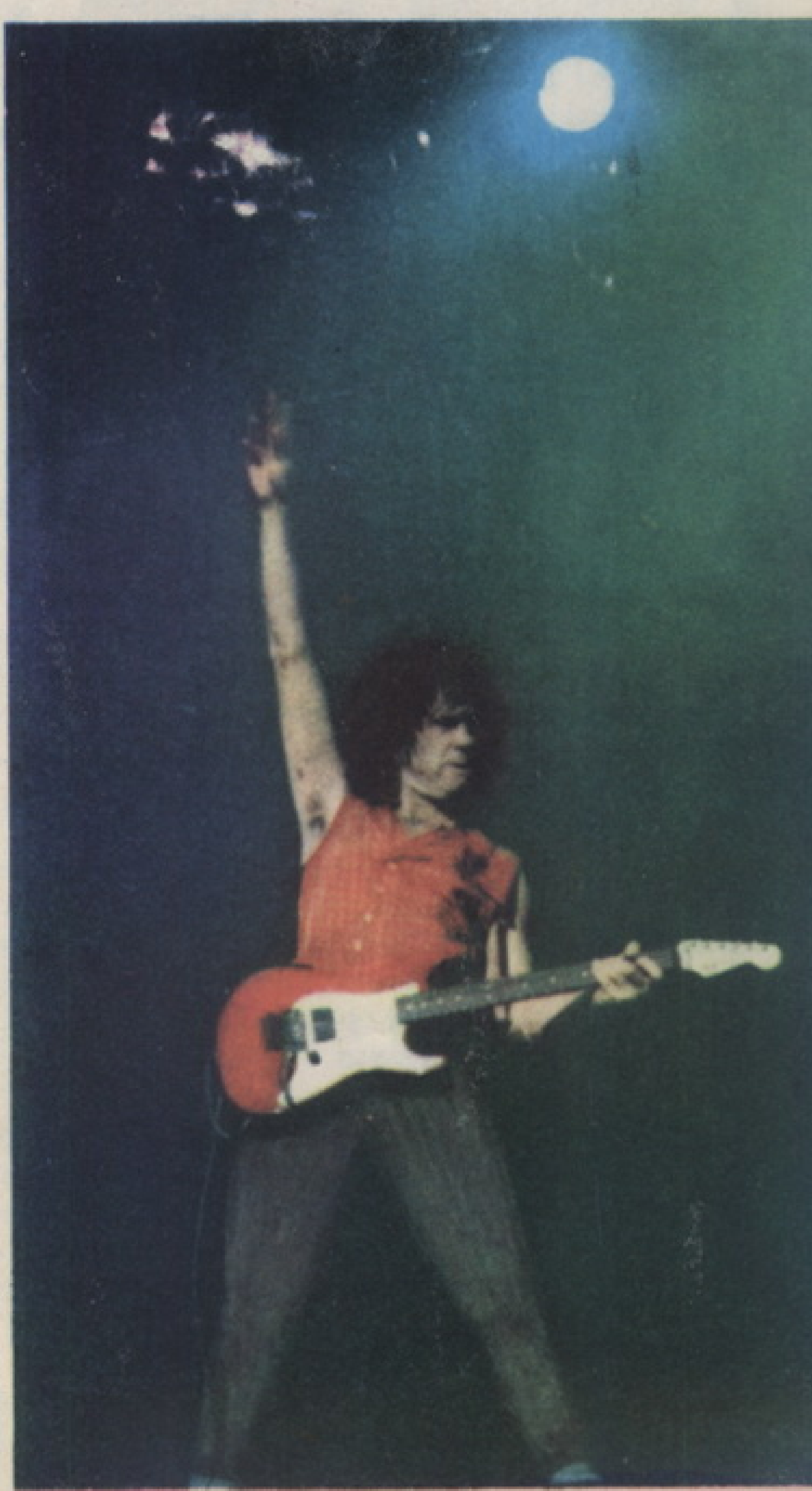
Похоже, рок-опера не состоялась. И хотя рок-музыка невероятно живуча, слабый побег рок-оперы отказывается цвести. Между тем некоторые рок-драмы оказались довольно успешными в форме фильмов или грампластинок (например, «Томми», созданная группой «The Who»), но все же ни одна из них не была удачной именно как опера. Почему же так произошло? Ведь потенциал рок-музыки поистине огромен.

Что же это за потенциал? Или, если поставить вопрос иначе, что отличает рок от классической музыки? Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, и, чтобы не увязнуть в трясине формулировок, я попытаюсь добраться до истины методом исключения. Итак, отличие рок-музыки от классики. Оно, во всяком случае, не в громкости звучания рок-композиций: в некоторых традиционных операх столько грохота, что от него начинают болеть уши, тогда как многие рок-композиции способны убаюкать даже младенца. Это отличие и не в сложной ритмике, и не в многократном повторе отдельных фрагментов: ритмике произведений Стравинского может позавидовать даже Роберт Фрипп, один из самых изощренных и умелых рок-композиторов, а повторы характерны для любого музыкального направления, будь то классика или джаз. Может быть, дело в использовании электроники? Но в современной «серьезной» музыке тоже уже прочно прижились синтезаторы. Таким образом, я прихожу к выводу, что дело в электрогитаре и ряде других обязательных инструментов, без которых немыслима ни одна рок-группа. Это, предполагаю я, и может быть тем рубежом, который отделяет классическую музыку от рока.

Рок-музыканты, знакомя широкую публику со звучанием своих инструментов, заодно познакомили ее и со своими персонами. Например, все те же «Битлз»: хотя они и создали большинство своих песен в студии звукозаписи, группа несколько сот раз выходила на подмостки, вынося не только свои композиции, но и самих себя — в отличие от «серьезных» композиторов — на суд зрителей. Благодаря «Битлз», а также творчеству других рок-групп и исполнителей широкая публика прекрасно осведомлена о роли «роковых» инструментов и в студии, и на концертах. Неплохо, если бы подобной осведомленностью о музыкальных инструментах могли похвастать любители классики!

Появление электроинструментов произвело подлинный переворот в музыке — это началось в двадцатые годы, когда музыканты по достоинству оценили всю прелесть электрификации своих орудий. Уже к концу тридцатых годов появились ансамбли, которые сейчас бы мы назвали рок-группами: электрогитара, электроконтрабас и электроорган. Но, за исключением органа, который сразу же прочно прижился в кинематографе, эти инструменты не получили тогда широкого распространения. Только в середине пятидесятых годов, которые можно назвать началом эры рока, эти инструменты стали доминирующими в популярной музыке. Особенно электрогитара: вытеснив рояль, она превратилась в музыкальный символ второй половины двадцатого века. Поэтому я намерен поговорить о ней подробнее.

Среди всех новых электроинструментов гитара оказалась наиболее выразительным и многофункциональным. В ансамбле гитара может вести мелодическую линию, создавать фон для ударных, «нанизывать» на себя всю композицию. А в руках виртуозного музыканта, ведущего сольную партию, гитара способна выполнять все эти функции одновременно.

Акустическая гитара с подключенным к ней усилителем еще не электрогитара. Электрогитара — инструмент совершенно другого типа, создающий звук совсем не так, как его акустическая родственница.

Давайте на мгновение задумаемся о музыкальных возможностях акустической гитары. Это инструмент невероятной выразительности, способный передавать любые оттенки самого интимного характера, это незаменимый спутник барда и романтического кабальеро, распевавшего страстные серенады под окном лукавой донны. А если мы вспомним фламенко! Уже одного этого достаточно, чтобы поставить памятник акустической гитаре! Но она прекрасна только в сравнительно небольших залах и маленьких кафе. (Правда, игра настоящего мастера и в больших концертных залах создает впечатление прозрачности и невесомости: мягкая вуаль нежных звуков опускается на зал, и вдруг гитарист безжалостно разрывает нежную ткань, вонзая в аудиторию холодные лезвия аккордов.)

Тесная связь гитары с народной песней, а также относительная дешевизна и простота транспортировки сделали ее чрезвычайно популярной. В ансамблях двадцатых годов гитара, как правило, входила в состав ритм-секции, украшая основную тему музыкального произведения легким бренчанием. Как раз в то время на смену струнам из натуральных жил начали приходить стальные, и звучание гитары приобрело более громкий и резкий оттенок. Но все же для того, чтобы гитарное соло могло перекрывать рояль, духовые и ударные, приходилось тщательно оркестровать произведение. С появлением микрофона гитаристы шагнули вперед и заняли место перед этим приспособлением рядом с вокалистами.

Гитара приблизилась к микрофону, а исполнители мечтали о том, чтобы звук, вырывающийся из динамиков, наиболее точно соответствовал истинному звучанию их инструмента. Но в те годы электроника была еще крайне несовершенной: чем выше была чувствительность микрофона, тем интенсивнее он улавливал посторонние звуки — одновременно с партией гитары до слушателей доносилось дыхание исполнителя, разговоры музыкантов, шарканье их ног по сцене и прочие шумы, не предназначенные для постороннего слуха.

Гитаристы пробовали прикреплять микрофон к корпусу и даже помещали внутрь инструмента — в этом случае шумы извне сводились к минимуму, но зато отчетливо слышалось шуршание рукавов костюма исполнителя, даже скрытые процессы пищеварения становились достоянием аудитории, вызывая неуместное веселье. Но, и это следует отметить, с микрофоном и усилителем гитара продолжала оставаться акустической, поскольку электрическая система усиливала и воспроизводила сигнал, имеющий акустическое происхождение.

Наконец, в конце тридцатых годов некоторые гитаристы стали заменять микрофон на электромагнитный звукосниматель. Такой звукосниматель помещается под каждую струну, а иногда под разными частями одной и той же струны устанавливают по звукоснимателю. Это было рождением электрогитары. Теперь гитара могла расстаться со своим объемным корпусом, необходимым для создания звука. Так появились «гитары-доски», то есть гитары с монолитным, плоским корпусом, которые мы видим в современных рок-ансамблях. Здесь источником электрического сигнала служит собственно вибрация струны. В этом и заключается различие между настоящей электрогитарой и акустической гитарой с электрическим усилением звука.

Таким образом, гитаристы свою проблему решили. О скрытых возможностях электрогитары впервые во всеуслышание заявил Джими Хендрикс: это произошло в 1969 году на закрытии фестиваля рок-музыки в Вудстоке, когда Хендрикс обрушил на слушателей свою интерпретацию «Звездно-полосатого знамени». В мощной каденции этого произведения слышался рев пикирующих бомбардировщиков, пожирающих небо Вьетнама, визг раскаленных осколков, впивающихся в тела жертв, яростный перестук пулеметов — а над всем этим воющим, корчащимся адом весело полощется американский флаг: гражданская позиция музыканта, осуждающего агрессию, звучала куда как ясно. И Хендрикс добился такого результата при помощи одного-единственного инструмента.

Рок-музыка развивалась, электроинструменты становились все изощреннее, и музыканты обнаружили, что предварительная обработка электрического сигнала, то есть до его непосредственного усиления, позволяет получать совершенно новые звуки. Открылась возможность создавать множество звуковых эффектов, и неудивительно, что одной из ключевых фигур в нынешней рок-музыке стал звукоинженер или звукооператор, балансирующий и смешивающий звуки, прежде чем они попадут в усилитель, а оттуда в динамики. Теперь без него не обойтись не только в студии, но и на концерте. На концерте звукооператор с портативной установкой может устроиться в любой точке сцены, лишь бы туда дотягивались провода. Однако, по логике вещей, его место в задних рядах зрительного зала: он должен слышать то же, что и публика, и при этом точно знать, какие эффекты и в какое время предполагают использовать исполнители. Его инструмент — вся рок-группа, и чем больше он репетирует с ней, тем успешнее пройдет концерт. Кажущаяся непосредственность рока целиком и полностью зиждется на высоком уровне электронно-технической оснащенности исполнителей и мастерстве звукорежиссера.

Но вернемся к рок-опере. За последние двадцать лет мастерство рок-музыкантов невероятно возросло. Казалось бы, при такой дьявольской виртуозности ничто не может помешать им создавать впечатляющие рок-оперы. И в начале семидесятых годов мы стали свидетелями появления таких произведений. И хотя на долю некоторых из них выпал коммерческий успех, ни одно не стало успешным как опера; недостатки этих сочинений были настолько выпуклы и многочисленны, что заставили усомниться в артистических возможностях рока.

Совершенно очевидно, что арии, танцы, увертюры или финалы большинства рок-опер по всем оперным канонам недопустимо кратки. Самая длинная сцена в рок-опере «Волосы» продолжается пять минут, в «Томми» — семь.

Конечно же, продолжительность номера не обязательно определяет его успех. В моцартовском «Дон Жуане» одна из арий длится всего минуту, но, помимо великолепной музыки, эмоциональное воздействие этой арии заложено и в ее контрасте с медлительными предшествующими сценами. Как правило, сцены в рок-операх слишком кратки, чтобы в них могло быть выра-

жено сколь-нибудь убедительное драматическое развитие сюжета. Для сравнения вспомним, что такие остросюжетные моменты, как, например, сцена бреда леди Макбет в одноименной опере Верди продолжается двенадцать минут, смерть командора в «Дон Жуане» длится тринадцать минут, а финальный монолог Бориса Годунова — его последняя молитва, прощание и смерть — двенадцать минут. Создается впечатление, что рок-композиторы не способны создавать законченные музыкальные картины такой протяженности и не могут соединять отдельные музыкальные элементы, необходимые для движения сюжета, в единое целое. Рок-опера «Волосы», например, претендует быть музыкальной драмой, но в действительности это не более чем набор не связанных между собой концертных номеров.

В рок-опере отсутствует завершение номеров (если речь идет о грампластинке) или завершение сцен (если мы говорим о театральной постановке) и переход от одного номера или сцены к другой. На грампластинках финалы выродились в рок-клише: последняя фраза повторяется до тех пор, пока звукооператор не уберет громкость до нуля (обычно для этого почему-то требуется почти половина всего времени, отпущенного на и без того короткий номер).

Со сценами описательными, где нет конфликта или каких-либо коллизий — дуэт влюбленных, например, или продвижение солдат по бутафорской дороге,— рок-музыка справляется более или менее сносно, но как только дело доходит до конфронтации, столкновений характеров, она становится такой бестолковой, что действует на нервы. Например, если на сцене происходит битва и режиссер решил дать публике возможность полюбоваться гордо надутым победителем, то и в музыке хотелось бы слышать триумф, черт побери! Если же нам показывают павшего воина, то и музыка должна бы выражать скорбь. Композитор обязан расставить акценты, чтобы музыка отражала происходящее на сцене, была в движении не только к концу сцены, но и на всем ее протяжении.

Другая проблема — гармоничный переход от одного номера к другому. На грампластинке рок-исполнитель или группа перебираются из бравурной ритмичной вещи в протяжную, лирическую балладу через пустую бороздку на пластмассе, то есть через паузу. На сцене подобное уместно, пожалуй, лишь в балете, но ни в коем случае не в опере или фильме, созданном по рок-опере. Танцовщики могут заканчивать номера определенными движениями, означающими на языке танца предельное эмоциональное возбуждение. Можно приглушить освещение, и после нескольких секунд темноты представление продолжится в новых красках и в другой атмосфере. Замолчавший же в финале номера исполнитель — это замолчавший исполнитель, и ничто иное. Поэтому фильм «Томми», так же как и опера, выглядит набором отдельных вокально-инструментальных номеров.

Опера «Иисус Христос — суперзвезда» выявила проблему с несколько иной стороны. Во время представления в Нью-Йорке в 1972 году актеру, исполнявшему роль Христа, надо было, следуя музыке, как бы «уплыть» со сцены. Для этого он взошел на ковровую дорожку, и несколько статистов стянули ее в зал вместе с теряющим равновесие сыном господним. Шутка? Возможно. Спустя некоторое время этот трюк повторился. В чем дело? Оказалось, в музыке: она никак не соответствовала концу сцены. И режиссер, осатаневший от невозможности подобрать логическое завершение, пустился на такой примитивный трюк, который, однако, чрезвычайно шокировал набожную часть публики.

Моцарт переходил от арии к арии речитативом. Верди часто прибегал к эмоциональным контрастам, что оправдывало изменение музыки в пределах одной сцены: вводный речитатив, медленная ария, сбивка, быстрая ария. Вагнер пользовался так называемым сквозным методом, то есть он менял действие симфонически, трансформируя саму музыку. Дебюсси и Берг соединяли короткие сцены с помощью музыкальных интерлюдий, которые отражали, а порой и предвосхищали развитие действия. Переход от одного музыкального эпизода к другому всегда был и остается больным местом классической оперы. Увы, рок-музыканты тоже не смогли преодолеть этот барьер и расшиблись куда сильнее «классиков».

Тем не менее среди множества неудач были и довольно интересные работы. Например, рок-опера «Спасение святого Иоанна». Ее создали и исполнили музыканты из малоизвестной группы «Смоук райз»: во время театральных представлений они вели все вокальные партии, а профессиональные актеры жестами интерпретировали содержание песен и проговаривали диалоги. В промежутках между сценами группа вставляла интерлюдии на электрооргане с эпизодическими подключениями электрогитары, такие связующие звенья были очень привлекательны. И даже несмотря на ужасное либретто и отрыв актеров от вокалистов, интерлюдии оказались уверенным шагом к настоящей опере, который сознательно, на мой взгляд, сделали четыре неизвестных музыканта.

Сможет ли рок-музыка воспользоваться этим скромным достижением? По-видимому, нет. Рок очень тесно связан с народной музыкой, и, несмотря на сложность электронной аппаратуры, рок-музыка в большинстве случаев предельно проста, хотя и динамична, и элемент драматизма в ней прослеживается с большим трудом: одна песня — это одна эмоция, развитая порой до абсурда,— здесь нет противоборства характеров, без которого невозможно драматическое действие. Если же подходить с чисто музыкальных позиций, определенная «размытость» музыкальных концепций делает рок маловыразительным, конечно же, лишь с точки зрения оперы — рок как таковой заслуживает всяческого уважения.

Итак, мы снова подошли к проблеме финалов. Драма вершится кульминацией, а, например, в «Суперзвезде» музыкальная кульминация отсутствует. В сценическом варианте этой рок-оперы есть визуальная кульминация: распятие. Но после такого обилия предшествующих арий и танцев мы вправе были бы ожидать чего-то большего, нежели унылой возни вокруг неструганых досок.

После непродолжительного размышления я пришел к выводу, что кульминация в рок-опере просто невозможна: опера — это очень сложная музыкальная форма. Я не хочу сказать, что рок примитивен, но его обращение к этому сложнейшему жанру находится в явном противоречии как с самим собой, так и с оперой.

Но рано или поздно кто-то сумеет впрячь новую музыку в причудливую коляску оперы. Это неизбежно, поскольку электронные инструменты, которыми пользуются рок-музыканты, не вступают в противоречие с традицией, а легко и органично продолжают и развивают ее. Все музыкальные инструменты, за исключением человеческого голоса, придуманы людьми — в них отражены определенные этапы эволюции общества: конструкция фортепьяно поражает своей сложностью и сегодня. И рок-музыка сама по себе также не «выпадает» из общего русла музыки.

Может быть, уже в самом недалеком будущем некоторые реалии фантастической утопии Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида», написанной в 1626 году, найдут место и в нашей действительности:

«У нас есть и дворцы звуков — там мы демонстрируем их рождение и развитие. Мы получили такие гармонии, которых ваша музыка лишена.

...Мы создали множество новых музыкальных инструментов, звучание которых утонченно и изысканно,— их голоса величественны и проникновенны. Мы заставляем звуки дрожать и громогласно парить: они сотканы из Вечности, и в Вечность они уходят. Наши звуки могут подражать словам людей и голосам зверей и птиц... Мы превращаем звуки в геометрические фигуры и причудливые световые пятна...» — писал этот философ, родоначальник английского материализма.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

Обложки книг Курта Тухольского, изданных до второй мировой войны.

Имя Курта Тухольского (1890—1935) громко звучало в европейской литературе трех десятилетий между двумя мировыми войнами: в первой мировой он сражался солдатом, а до второй не дожил, хотя ее предсказывал. Пожалуй, не было в Германии тех лет более популярного писателя и журналиста. Читатели знали и его лирические стихи, и еще лучше хлесткие сарказмы сатирической прозы. Большие статьи Тухольский писал редко, чаще — миниатюры, жанр, в котором никто не мог с ним сравниться. Писал на злобу дня, оказалось — не только на злобу дня. Сейчас, когда после его смерти прошло уже более пятидесяти лет, мы вряд ли заинтересовались бы его творчеством, если бы оно не содержало важных обобщений, актуальных для наших дней.

Тухольский с начала 20-х годов жил в основном во Франции, был парижским корреспондентом «Вельтбюне», политического журнала левого направления. Это не мешало ему освещать в своих корреспонденциях события немецкой политической жизни, жизнь немецкого общества того времени. На расстоянии Тухольский, очевидно, яснее видел лица и события, крупнее обобщал явления и типы.

Круг сатиры Тухольского чрезвычайно широк: человек со всеми его слабостями, традиционный консерватизм жизни немецкого общества; беспомощность правосоциалистического правительства тех лет, лицемерие его политических лозунгов (один из блестящих образов характеристики этого явления — символ редиски, красной снаружи и белой внутри); постепенное усиление политической реакции, появление первых признаков фашизма. Но о чем бы ни говорил Курт Тухольский, один мотив звучал в его творчестве постоянно — страстный призыв к борьбе против милитаризма и войны, за мирное будущее человечества.

Приближался роковой 1933 год, к власти в Германии рвался Гитлер. Тухольский ясно видел опасность фашизма. Понимал, что не сможет вернуться на родину и жизнь за границей превратится в эмиграцию. И — что было еще страш-

Курт ТУХОЛЬСКИЙ,
немецкий писатель

ЛИЦО

Довольно-таки плотная голова, не особенно высокий лоб, прохладные маленькие глаза, нос, охотно заглядывающий в стаканы, рот, который холодно приказывает, и неприятная борода, похожая на щетину зубной щетки,— так выглядит это лицо. Основательный черный пиджак, прилично повязанный галстук с янтарем, всегда чистый воротничок — вот что еще можно увидеть. Волосы над ушами коротко подстрижены; мужчина чистоплотен, по утрам чистит ногти, бреется или велит себя побрить.

Молодым человеком он спешил, без особого интереса, через двери лекционных залов; его мама говорила: «Губерт, когда ты сегодня придешь домой?» — и ответ не всегда был вежлив. Зубрил. Сдавал экзамены. Его вызывали: «Губерт Такой-то Такой-то...» Он поднимался, немного покорно, немного испуганно, не очень волнуясь — холодно, собственно говоря. Поступил на государственную службу, быстро продвигался.

Долгие дневные часы за бумагами, пустые перерывы, когда он вынимал завтрак из портфеля — там лежало одно неприятное письмо и одно, которое сулило на вечер маленькую внеслужебную радость. В остальном: холоден до самого сердца. Раз от разу читал книгу, не относящуюся к делу, однажды попробовал Шпенглера [1], «чу́дная вещица»; и с сочинительницей письма ходил на «Тантрис» Хардта. Очень поэтично. В антракте: «Вполне возможно, что в эти дни меня переведут в другой отдел. Ну, слава богу...»

На войне командир роты. Безжалостен, холоден. Холоден к служащим канцелярии, которые не могут обороняться, холоден к молодому асессору — «Я тоже должен был когда-то пережить такое же!» — холоден к миру, холоден к богу. Женат. Двое детей. Любит их на свой лад. Любит иногда посмеяться вечерком над плоской шуткой, еще знает три двусмысленных стишка, остальные, к сожалению, забыл. Непререкаемо уверен в правильности государственного уст-

[1] *Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ-идеалист. В 20-е годы выступал как публицист консервативно-националистического направления, близкий к фашизму, однако в 1933 году отклонил предложение нацистов о сотрудничестве. Гитлеровский режим подверг Шпенглера бойкоту, что не помешало идеологам нацизма широко использовать положения Шпенглера, превращая их в орудие своей демагогии.— Здесь и далее прим. пер.*

нее — понимал, что не сможет больше писать: перед лицом трагических событий, которые надвигались на Германию, а затем и на Европу, его оружие — лирика и сатира — оказалось бессильным. А других возможностей его громадный талант не имел.

Отныне Тухольский называл себя «бывшим писателем». Вскоре после прихода к власти Гитлера он был лишен германского гражданства. А два года спустя покончил с собой, так как не мог и не хотел быть безучастным свидетелем того, что происходило на его родине.

Прошли годы. Кончилась кровавая война, голос Курта Тухольского зазвучал снова. И этот голос будет нужен людям до тех пор, пока есть на свете бездушие, чванство и ложь, пока жизнь на земле омрачает угроза войны и страданий.

Н. БЕРНОВСКАЯ, кандидат филологических наук

ройства, правопорядка, церкви и всеобщих основ общежития. А дальше этого не думал. Выглядит вовсе не плохо, когда сидит за письменным столом, сортируя папки с делами, коротко откашливаясь. Ведь не кто-нибудь. Чувствует себя в полной гармонии со страной, большинством и народом. Не питает большой любви к прусскому дворянству: оно ему неприятно. Но безукоризненно корректен и вежлив. По отношению к вышестоящим — маленький буржуа; по отношению к нижестоящим — сам дворянство.

Представляет. Делает карьеру. Наверное, будет какой-нибудь следующей большой шишкой, посланником, начальником отдела в министерстве, государственным секретарем, я знаю кем? Германия? Германия.

1924 г.

ЧЕЛОВЕК [1]

У человека две ноги и два убеждения: одно, когда ему хорошо, и другое, когда ему плохо. Последнее называется религией.

Человек является позвоночным животным и имеет бессмертную душу, а также отечество, для того чтобы не очень-то зазнавался.

Человека производят естественным путем, но он воспринимает этот путь как неестественный и не очень охотно говорит об этом.

Человек — полезное существо, потому что он служит для того, чтобы своей солдатской смертью повысить цену на нефтяные акции, своей шахтерской смертью увеличить прибыль владельцев шахт, а также культуру, искусство и науку.

Наряду с инстинктом продолжения рода и стремлением есть и пить у человека есть две склонности: устраивать скандалы и не слушать. Человека можно было бы определить как существо, которое никогда не слушает. Если он мудрый человек, то поступает правильно, потому что разумное ему приходится слышать очень редко. Люди очень любят слушать обещания, лесть, признания и комплименты. Рекомендуется, чтобы лесть была на три порядка грубее, чем считается возможным.

Себе подобным человек не позволяет ничего, для этого он изобрел законы. Ему нельзя — значит, и другим должно быть нельзя.

Чтобы положиться на человека, лучше всего сесть на него верхом; тогда можно быть уверенным хотя бы на это время, что он не убежит. Некоторые полагаются на характер.

Человек делится на две части: мужскую, которая не хочет думать, и женскую, которая не может думать. Обе части имеют так называемые чувства: их вызывают тем, что приводят в действия определенные нервные центры организма. В этих случаях некоторые люди выделяют из себя стихи.

Человек — это траво- и мясожрущее существо; во время походов к Северному полюсу он то и дело пожирает экземпляры своей породы, но это обстоятельство уравновешивается фашизмом.

Человек — политическое существо, которое особенно охотно проводит свою жизнь, сжатое в куче. Каждая куча ненавидит другие кучи, потому что они другие, и ненавидит свои, потому что они свои. Последнюю ненависть называют патриотизмом.

У каждого человека есть печень, селезенка, легкое и знамя; эти четыре органа жизненно важны; людей без знамени не существует.

Человек с удовольствием разжигает свою слабую способность продолжения рода, и для этого у него есть некоторые средства: бой быков, преступление, спорт и охрана закона.

Нельзя быть человеком друг с другом. Есть только люди, которые господствуют, и такие, над которыми господствуют. Но еще никто не сумел господствовать над собой, потому что противящийся раб всегда сильнее властолюбивого господина. Каждый человек не свободен в себе.

Когда человек чувствует, что выше он подняться не может, он делается набожным и мудрым; он отказывается тогда от кислого мирского винограда. Это называют погружением в себя. Различные возрастные ступени человека считают друг друга различными расами: старики обычно забывают, что они были молоды, или забывают, что они стары, а молодые никогда не понимают, что они могут состариться.

Человек не хотел бы умирать, потому что он не знает, что тогда будет. Если он полагает, что знает, то тогда все равно не хочет, потому что он хотел бы еще немного поучаствовать. «Немного» здесь значит вечно.

В остальном человек — это существо, которое делает плохую музыку и заставляет лаять свою собаку. Иногда он успокаивается, но тогда он мертв.

Наряду с человеком есть еще саксонцы и американцы, но их у нас еще не было, и мы будем их проходить только в следующем классе.

1931 г.

[1] *Рассказ стилизован под сочинение нерадивого ученика.*

КЕМ ЖЕ ЕМУ БЫТЬ?

Вашему сыну? А какой он у вас? Немного ленив? Более хитер, чем умен? Больше усердия, чем характера? Немного интриган?

Коммерсантом... нет, вы правы, несмотря на бюрократизацию немецкой промышленности, для этого нужны инициатива, если он не хочет навечно остаться переписчиком бумаг, решительность, проворство: иначе он не станет никем. Коммерсант — это все-таки не для него.

Нет ли у него склонности к профессии инженера? Врача? Нет? Художественные способности — нет? Радуйтесь. Что вы говорите? Есть лишь одно дело на свете, которого он боится? Расскажите, пожалуйста.

Ваш мальчик — это человек, который с самого детства «ничего не мог поделать»? Который постоянно, всегда и при всех обстоятельствах отказывается сделать выводы из своих поступков? Который не разбивал вазу, когда она у него упала? Который не разливал чернила, когда они сами пролились? Который всегда-всегда ищет, выискивает и находит себе оправдания? Короче, который страшно боится ответственности? Ну, тогда остается лишь одно. Пусть он станет чиновником. Тогда он будет нести ответственность — и не будет нести ее.

Предположим, мальчик станет машинистом, и случится так, что он из-за переутомления после десяти часов работы, из-за невнимательности, из-за необъяснимой случайности проедет сигнал и врежется в поезд. 28 убитых, 39 тяжелораненых. Что вы думаете? Может он сослаться на туман, попробовать отговориться? Ах, вы не знаете своей собственной страны! Не поможет ему все это. Параграф 316 УК — тюрьма от месяца до трех лет, а если он нарвется на старательного прокурора, то тот выищет для него и еще что-нибудь... будьте уверены. Да, это должность ответственная, а проигравшего сожрут собаки.

Для врача дело проще — осуждение за ошибку возможно только на основе экспертизы, и вряд ли одни врачи будут топить другого... но все-таки: возможно все.

Коммерсант... подумайте, пожалуйста, что будет, если он всерьез навредит в большом деле. Если он маленький служащий, то вылетит тотчас, если крупный, он может, конечно, вы-

крутиться, но у биржи есть действительно кое-что хорошее: она всегда информирована, и если кого хоть раз объявят там неспособным, тому придется трудно. Закон? Ах, биржевиков он **так уж** не интересует. Они сами создают свой закон, и он лучше писаного, в этом я могу вас заверить. Есть такой бойкот, совсем тихий, совсем неприметный,— и очутившийся вне закона устранен навсегда. Вопрос ответственности здесь регулируется сам собой.

Итак, повсюду, моя дорогая, ваш мальчик должен будет отвечать за то, что натворил, если уж дойдет до дела. Так уж принято в жизни.

Только в одном месте не так. Только у одной касты людей не так. Только в одной-единственной должности не так. В должности чиновника.

Как это делается? И разве никто не замечает? В какой части света вы живете? На Луне?

Прежде всего при получении места чиновника знания играют второстепенную роль. Первостепенную то, что он удобен для чиновничьей касты, в которую вступает, что он без труда включается в организм, который не соответствует составу населения, как вы раньше думали, моя дорогая. У этой касты свои законы, свои добродетели и пороки, изобретенные ей самой и для себя же, она принимает лишь то, что делает ее жизнеспособной, и с безошибочным инстинктом отвергает то, что могло бы ее ослабить. У нее своя собственная жизнь. Она плавает наверху, как масло на воде.

Если ему удастся проникнуть туда, если он имеет средние знания и если он приятен для организма, то ему будет хорошо, как в раю. Если только он не будет выступать против неписаных правил тихого кодекса, если только он не будет лупить по бронзовым колоннам невидимого храма — тогда с ним ничего не случится.

Часто ли вы видели, чтобы чиновничий организм выдавал своих в руки карательных органов? Такого не бывает почти никогда. Вы, моя дорогая, думаете, значит, там и не случается ничего. Нет, там случается многое, точно так же, как и у людей других профессий,— только ни один судья не каркает об этом, потому что ворон ворону глаз не выклюет... Возьмите-ка вы лучше стул и слушайте хорошенько.

Если, например, кто-то, будь он зряч или слеп, погубит валюту своей страны, так что миллионы людей потеряют до последнего пфеннига с трудом накопленное состояние; если кто-то велит расстрелять рабочих и своей жестокой тупостью ищет расположения у преступников, обряженных в форму; если кто-то врет, что он не нарушал законов, а по его воле люди сотнями сидели по тюрьмам и по каторгам; если кто-то при предоставлении государственных кредитов позволяет обдурить себя, потому что знания, приобретенные им в то время, когда этот кто-то делал чиновничью карьеру, не позволяют ему вести дела, как подобает современному бизнесмену; если кто-то из карьеризма, из ложно понимаемой решительности, из авторитарного садизма небрежно утверждает смертный приговор, в основе которого лежат ложные улики... Что вы думаете, моя дорогая, будет с ним, когда его бесчинства станут известны?

Тогда эти кто-то отправляются в развлекательные поездки, дорогая моя. Тогда они едут по свету, дорогая моя. От писаря Михаэлиса, который был представлен ставшему слабоумным миру как рейхсканцлер, до последнего военного министра — все одно и то же. Сначала, когда вы при деле, вы надрываете глотку и указываете на тяжелую ответственность, которую вы несете. Да, но в чем она состоит? В том, чтобы при небрежности, приведшей к неудаче, искупить по закону то, что должно быть искуплено, как это обстоит с каждым промышленником и шофером? К такому не может привыкнуть ни один немец. Наибольшее, что отвоевали себе эти подгнившие революционеры — не пугайтесь, дорогая моя! — это следственные комиссии; они заседают и исследуют и спрашивают и позволяют свидетелям орать на себя и не пикнут в ответ и издают протоколы и снова сидят на своих терпеливых заседаниях... Никого не наказывают. Своими деньгами не платит никто. Не сажают никого. Попытка, одна-единственная — и немецкий чиновник больше вообще ничего не будет делать. Что? Он должен всерьез нести ответственность, если он сделал что-то неправильно? Он должен искупить вину, если что-то сожрал? В то время как он, моя дорогая, только выполнял то, что ему приказал начальник, или ошибся подчиненный, или вообще все дело только в том, в чьей компетенции... Дорогая моя!

Если вашего мальчика не переведут в следующий класс, вы не возьмете его с собой в театр. Если министр доведет дело до позорного краха, нагромоздит ошибку на ошибку, наврет, но наврет плохо, так, что ни разу правдой не окажется то, что противоположно его вранью, будет спекулировать, но глупо спекулировать, обманывать, но неловко обманывать — что тогда? Тогда он, дорогая моя, без всякого сомнения, едет за границу. На отдых, дорогая моя.

И вот так выглядит его день.

Он просыпается на прекрасной пружинистой кровати, в просторном, хорошо проветренном помещении, где-то в отеле... Он потягивается и вытягивается еще разок, потому что ему не нужно сегодня идти на службу, медленно поднимается, умывается со сладострастной медлительностью, так основательно, как это принято в семьях его круга; он повязывает себе стоячий воротничок — удивительно, какое пристрастие имеют немецкие министры к стоячим воротничкам в неподобающем месте! — и потом он изволит выйти из дома. Куда-нибудь в южноамериканский ландшафт или азиатский; там его принимают торжественно и ухаживают за ним, и слуги кланяются, и он осматривает что-нибудь: национальный мемориал, или фабрику детских колясок, или университет для слепоглухих оперных певцов... Его соотечественники обступают его. И тогда вокруг него вдруг воцаряется тишина, и он произносит речь, и в то время как на сердце у него похрустывает письмо Германской республики, которая сообщает ему, что подлежащая уплате часть его пенсии, как условлено, переведена на счет в учетную компанию, он держит свою речь и очень осторожно, очень тонко, с той хитроватой наглостью, которая является отличительным признаком его класса, ругает именно эту республику. Он знает: она не защищается. Он же сам был этой республикой: он знает ее.

И тогда, дорогая моя, он объезжает что-то на автомобиле или на паровом баркасе и глядит на прекрасный мир, который для него только фон, он глядит на него как генерал, делающий смотр, тем взглядом, который показывает, что видит все, но который все-таки слеп до глубины, до самого последнего нервика — и потом он плывет на милую родину. И тут он становится членом наблюдательного совета — из-за своих хороших отношений с начальством, и потому, что он хорошо умеет говорить на чиновничьем языке; и немного интригует в игре политических партий, и если он особенно необуздан, то тогда он замахивается на президентский пост... дорогая моя, мир так богат.

И это называется: ознакомительная поездка.

А в это время его жертвы торчат в камерах; а в это время разоренные им старики снова гнут спину в каком-нибудь писчебумажном магазине или плетутся по улицам как страховые агенты; а в это время тысячи судятся из-за него, и десятки тысяч бегают по учреждениям, и сотни тысяч жалуются — своей политикой он лишил их счастья в жизни... но всегда ответственно. Но те, кого гроза пощадила, стоят с хитрыми лицами, называют свою бесхарактерную слабость демократией, и если кто-то вляпывается в историю, они говорят: «История рассудит». Им не больно.

Дорогая моя, скорее сломает ногу тот, кто лезет на стул, чем что-нибудь случится с немецким министром, даже если он натворит и еще больше злого. Это безопаснейшая и безответственнейшая профессия на свете.

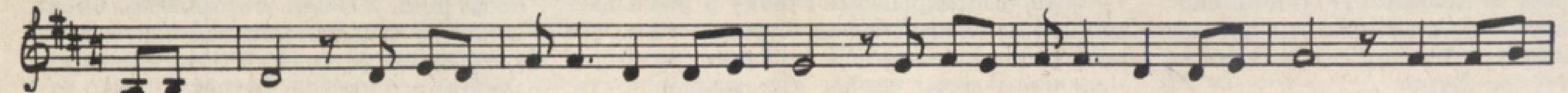
Дорогая моя, пусть ваш сын будет чиновником.

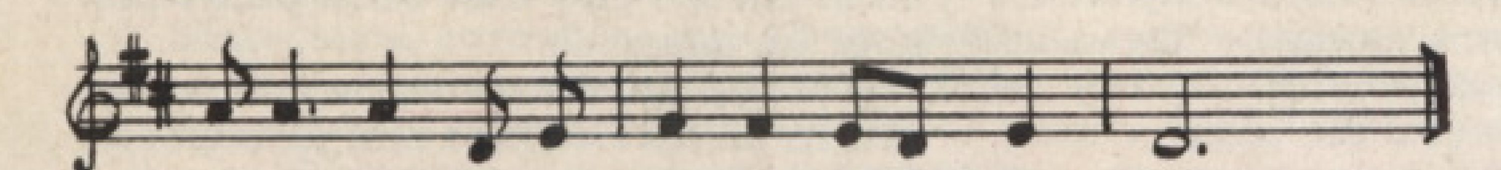
1928 г.

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ

1. Join hands with South Africa /3 раза/
And tomorrow they'll be free.
2. Join hands with Nelson Mandela /3 раза/
And tomorrow he'll be free.
3. Join hands with ANC /3 раза/
And tomorrow they'll be free.
4. Join hands all around the world /3 раза/
And tomorrow we'll be free.

«Возьмемся за руки с борцами Южной Африки — и завтра она будет свободна. Возьмемся за руки с Нельсоном Манделой — и завтра он будет свободен. Возьмемся за руки с Африканским национальным конгрессом — и завтра его борцы против апартеида будут свободны. Протянем друг другу руки — и завтра все мы будем свободны»,— пел в Берлине на XVI Международном фестивале политической песни канадский певец Джордж Хьюисон.

Раньше Джордж Хьюисон был рыбаком. Во время одной из забастовок — боссы тогда понизили закупочные цены — Хьюисон впервые обратился к гитаре и банджо. «Мне хотелось высказать все, что нас, рыбаков, волнует»,— вспоминает певец. Но потом он понял, что одними песнями ничего не добьешься. Он включился в борьбу, стал активистом профсоюзного движения. Позже Джордж Хьюисон вступил в Коммунистическую партию Канады, был избран членом Исполкома ЦК партии.

И по-прежнему Джордж Хьюисон со своим маленьким ансамблем ездит по стране, выступает в самых разных аудиториях.

Его песни, несмотря ни на что, пробиваются на радио и телевидение, вышли две долгоиграющие пластинки. В музыкальном плане он не придерживается какого-то одного направления: он поет народные баллады, лирические песни, блюзы, рок-н-роллы. Кое-что он сочиняет и сам, в частности, песню, которую мы публикуем в этом номере.

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. От этого мгновения антиимпериалистической, антивоенной манифестации на улицах фестивальной Москвы до памятного дня 69-й годовщины Великого Октября — больше года. И все-таки, отмечая очередной день рождения Страны Советов, мы решили воспроизвести его в фоторассказе на первых страницах обложек «Ровесника» 1986 года о XII московской встрече юности планеты. Решили потому, что идея мира и дружбы народов, их борьбы с угрозой войны, овладевшая миллионными массами молодых землян, родилась в дни Октября 1917-го и неизменно живет на нашей, советской земле, выражая нашу философию, нашу социалистическую нравственность.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон: 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 05.09.86. Подписано к печ. 15.10.86. А07858. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 209.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.